

Е. Г. Бакланова, Т. Х. Коломейчук

**СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ:
МЕЖДУ
ПЛАНом И РЫНКОМ**

Е. Г. Бакланова, Т. Х. Коломейчук

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ: МЕЖДУ ПЛАНом И РЫНКОМ

Одесса
«Астропринт»
2013

УДК 94(47+57):33“1922/1991”

ББК 63(2)6-2

Б19

Авторы:

Бакланова Елена Григорьевна, кандидат экономических наук, Одесский национальный экономический университет;

Коломейчук Татьяна Хрисанфовна, кандидат экономических наук, Одесский национальный экономический университет

Рецензенты:

Болдырев Игорь Андреевич, доктор экономических наук, профессор, Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского;

Уперенко Николай Афанасьевич, доктор экономических наук, профессор, Одесский национальный экономический университет

Бакланова, Е. Г.

Б19 Советская история: между планом и рынком / Е. Г. Бакланова, Т. Х. Коломейчук. — Одесса : Астропринт, 2013. — 76 с.

ISBN 978–966–190–753–8

В предлагаемой работе советская история исследуется с позиции противоречия двух форм экономической связи — стоимостной и непосредственно общественной.

Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 94(47+57):33“1922/1991”
ББК 63(2)6-2

ISBN 978–966–190–753–8

© Бакланова Е. Г.,
Коломейчук Т. Х., 2013

Содержание

<i>Введение</i>	4
<i>Глава 1</i>	
Сознательная и постоянно поддерживаемая пропорциональность	6
<i>Глава 2</i>	
Военный коммунизм: Ленинская концепция в теории и на практике	16
<i>Глава 3</i>	
Дискуссии 20-х годов о будущем социализма	25
«Левая оппозиция»	26
«Правые» большевики	27
Социал-демократия	30
Сменовеховцы и евразийцы	31
Теоретические противники	32
<i>Глава 4</i>	
Практические достижения и противоречия НЭПа	34
<i>Глава 5</i>	
Экономическая реальность классического социализма	40
<i>Глава 6</i>	
Обострение противоречий социалистической системы хозяйства	47
<i>Глава 7</i>	
Обреченная перестройка	56
<i>Заключение</i>	64
<i>Ссылки</i>	72

...идея социализма в одно и то же время и грандиозна, и проста... Это затея настолько величественная, настолько отважная, что она вполне заслуженно вызвала величайшее восхищение. Мы должны победить социализм, мы не можем беззаботно от него отмахнуться, если мы намерены спасти мир от нового варварства [1].

Введение

Ни одна наука не затрагивает интересы человека так, как наука об общественных отношениях. Ни одно из социальных учений не подвергалось столь жарким дискуссиям, не находило столько ярых приверженцев и не менее ярых противников, как теория социализма. Наконец, ни одна из идей, апробированных на практике, не привела к таким грандиозным свершениям и не вызвала такие потрясения, как идея построения коммунизма. Не оценивая идеологическую составляющую этой теории, следует все же разобраться в вопросе об экономической возможности социализма. Известны часто цитируемые слова К. Маркса из «Манифеста коммунистической партии» о том, что «свободное существование каждого является основой свободного существования всех». Однако век спустя Кеннет Дж. Эрроу получил Нобелевскую премию по экономике за математическое доказательство обратного, а именно невозможности определения общественных приоритетов, которые соответствовали бы индивидуальным приоритетам. Кто же ошибся: социолог, выдвинувший тезис, достойный быть лозунгом наивысшего гуманизма, или математик, его опровергнувший?

После 20 лет уверенно внедряющихся на постсоветском пространстве рыночных отношений данный вопрос не потерял свою актуальность, поскольку прошлое не стало прошедшим, оно живет в нас и сегодня. Укоренившиеся за годы советской власти лозунги, нормы, привычки слишком сильны во всех сферах общественной жизни, а новые еще очень несовершенны. Поэтому в приложении к переживающим переходное состояние человеческим образованиям чистый,

или, как иногда говорят, «циничный» экономический анализ повисает в воздухе. Исследуя сегодняшние проблемы, необходимо учитывать не только экономический аспект происходящих изменений, но и сопровождающие их глубинные социально-психологические факторы. Среди них, к примеру, сохранение нерыночной ментальности у значительной части населения. Или напротив, стремление одним махом обскать разумный ход истории. Меткую характеристику постсоветского человеческого материала дал А. Панарин: «Большевизм материализовал во властных структурах и закрепил на многие десятилетия образ народа, каким он должен быть, с одной стороны, в мифологии собственного избранничества (как носитель «конечных целей» партии), с другой — в интересах тех, для кого смирение «нищих духом» является основным условием монополии на власть и благополучие» [2]. Подлинные события совершаются в историческое время, а это не та видимость событий, которую мы наблюдаем хронологически.

Осмысление сегодняшних задач требует постоянного обращения к историческому пути, пройденному советским обществом. Исследование этого эксперимента, его хода и последствий еще долго будет оставаться главной задачей всех социальных наук, в том числе экономической. Без этого невозможно решение проблем сегодняшнего дня; процесс мучительный, но абсолютно необходимый. Следует уяснить, в какой мере советский общественно-экономический строй соответствовал ортодоксальной теории марксизма, если исходить из того, что между идеальной моделью социализма, вырастающей из представления классиков, и полученным ее реальным воплощением имеются какие-то различия.

Предлагаемый читателю экскурс не претендует на попытку сколько-нибудь точного прогнозирования хода дальнейших событий на постсоветском пространстве. Вопреки взглядам многих обществоведов, склонных к историческому предсказанию, вслед за К. Поппером мы придерживаемся точки зрения о том, что главной задачей науки об обществе «...не является пророчество о будущем ходе истории. Эта задача, скорее, состоит в открытии и объяснении менее очевидных зависимостей, имеющих место в социальной сфере. Таковыми являются: раскрытие трудностей, встречающихся на пути социального действия, — изучение, так сказать, громоздкости, гибкости и хрупкости социального материала, его сопротивления нашим попыткам сформировать его и работать с ним» [3].

СОЗНАТЕЛЬНАЯ И ПОСТОЯННО ПОДДЕРЖИВАЕМАЯ ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТЬ

В течение тысячелетий человеческая мысль восставала против товарного производства. Платон тосковал по ушедшему патриархальному строю, Аристотель осуждал искусство наживы — хрематистику. В античном обществе деньги считались монетой, на которую разменивается весь экономический и моральный уклад¹, это настроение переключалось в средневековье. Лютер люто ненавидел деньги, Шекспир написал о них свой знаменитый монолог², Бугальбер объявил величайшим злом человечества и призвал к их упразднению. Честертон беспощадно изрек о вещах, которые, как всадник лошадь, гонят человека, а Томас Мор — об овцах, пожирающих людей. Блестящие умы, охваченные идеей справедливости, на протяжении веков восставали против рыночной экономики, но все это были бессильные утопии и мечтания. Так продолжалось до тех пор, пока не была предпринята попытка научно доказать, что естественно-исторический процесс, принявший облик капитализма, с неумолимостью законов природы ведет сначала к подрыву

¹ «Ведь нет у смертных ничего на свете,
Что хуже денег. Города они
Крушат, из дому выгоняют граждан,
И учат благородные сердца
Бесстыдные поступки совершать,
И указуют людям, как злодейства
Творить, толкая их к делам безбожным».

Софокл. *«Антигона»* (монолог и его оценка даны К. Марксом в *«Капитале»*, т. 1, с. 143).

² «Золото! металл
Сверкающий, красивый, драгоценный...
Тут золота довольно для того,
Чтоб сделать всё чернейшее — белейшим,
Всё гнусное — прекрасным, всякий грех —
Правдивостью, всё низкое — высоким,
Трусливого — отважным храбрецом,
А старика — и молодым, и свежим!»

В. Шекспир. *«Жизнь Тимона Афинского»* (расширенный вариант этого монолога К. Маркс цитирует там же).

основ товарного производства, а затем к его полному исчезновению. В соответствии с такой исторической диалектикой Карл Маркс выделил две формы проявления закона пропорциональности — меновую стоимость и сменяющую ее непосредственно общественную. Это то, что К. Маркс назвал спором старой и новой политической экономии, политэкономии буржуазии и пролетариата, считая, что победит вторая.

Следует отметить, что здесь мы сознательно упускаем докапиталистические формы связи, а именно потому, что не считаем их безусловно экономическими. Все эти формы носили преимущественно внеэкономический характер, предполагали юридическую зависимость, что несовместимо со свободой выбора и автоматически нейтрализует свободу хозяйственной инициативы.

Итак, эволюция меновой формы связи привела к появлению ее капиталистической формы, недостатки и противоречия которой были блестяще вскрыты К. Марксом. В XX веке была осуществлена грандиозная всемирно-исторического масштаба попытка экспериментально доказать силу научных предвидений. Однако кончины товарно-денежных отношений не случилось. Крах социалистической системы позволяет предположить, что принцип централизованного распределения не есть творческий, что это путь, ведущий не к расцвету, а в тупик. Данный экскурс представляет собой попытку проследить, как на самом деле сложилась судьба непосредственно общественной формы связи.

Г. Плеханову приписывают слова о том, что русская история еще не смогла муки, из которой можно в России испечь пирог социализма. Неудачные исторические эксперименты наводят на мысль, что такой муки по определению не существует. Однако отличительным свойством утопий является их стремление к реализации. Практическую попытку построить общественные отношения по принципу коммунистических предпринял Роберт Оуэн еще в 1825 году, организовав производительную общину «Новая гармония». Попытка пересоздать природу людей путем преобразования внешних условий окончилась провалом, неудавшийся эксперимент К. Маркс объяснил тем, что Р. Оуэн, вывозя людей, не прихватил с собой соответствующие производственные отношения. В середине того же XIX века фурьеристами было сделано до сорока попыток создать фаланстеры со схожими принципами организации, но ни один из них не просуществовал более двенадцати лет, большинство прекратили работу после 3—5-летнего

существования, полного борьбы с неблагоприятными внутренними и внешними условиями.

Попытку уже не локального, а национального размаха в XX веке предприняла партия большевиков во главе с блестящим организатором и оратором В. Лениным. Произошло это на той стадии развития капиталистического способа производства, когда казалось, что рынок свободной конкуренции не способен играть роль механизма саморегулирования, исчерпывает себя. В окончательно сформировавшейся социалистической концепции произошла абсолютизация таких негативных тенденций развития капитализма, как цикличность, монополизация, безработица, социальное расслоение общества и т. д. Как показал исторический опыт, рынок все же научился справляться с этими проблемами, и борьба с ними привела не к гибели системы, а напротив, придала второе дыхание рыночной экономике.

Социалистическая гипотеза не допускала возможности рынка к самоисцелению. Она исходила из неизбежности замены стихийной самонастройки общественного производства механизмом регулирования, субъектом которого выступает общество как целостность. Поэтому единый план социалистического хозяйства есть центральная идея марксизма. Однако социализм, предлагая национализировать народное хозяйство и подчинить деятельность всех предприятий, в том числе монополий, единому руководящему центру, хоть и достигает, как справедливо полагал Ленин, высшего уровня централизации производительных сил, но одновременно уничтожает конкурентную среду, ибо при этом исчезает множество независимых собственников, а появляется лишь один — государство. В этом самое уязвимое место социалистической теории — в стремлении централизовать все производственные и распределительные функции. Такой подход заведомо исключал какое-либо неконтролируемое обществом в лице его экономического центра движение элементов общественного производства. Предполагалась организация производства, являющаяся слепком капиталистической фабрики, с распространением ее принципов руководства и организационно-хозяйственной деятельности на все общественное производство в целом, более того, на всю экономическую систему общества. Так мыслилось преодоление противоречия между высочайшей организованностью производства в масштабах отдельно взятой фабрики и анархией общественного производства, что равнозначно стремлению преодолеть противоречие между обще-

ственным характером производства и частнокапиталистическим способом присвоения.

Непременными атрибутами классической концепции социализма являются: государственная форма собственности, отождествляемая с общенародной и потому подчиняющая себе все остальные формы, как недостаточно социалистические; непосредственно общественный характер труда в масштабе общества, исключающий эквивалентно-возмездные связи; планирование, понимаемое как директивное управление народным хозяйством из общественно-экономического центра. Элементы самостоятельности здесь сохраняются лишь в некоторой части внутренней организации отдельных звеньев единой производственной системы общества. Предприятия выполняют, по существу, не экономические, а лишь организационно-технологические функции.

Указанные социалистические представления логически порождали вывод о несовместимости товарной формы хозяйства с отношениями общественной собственности на средства производства. Вместо рыночной системы связи предполагалось возникновение единого экономического центра, берущего на себя роль «одного главного предпринимателя» для осуществления функций прямого регулирования общественного производства в направлении соответствия структуры производимого совокупного общественного продукта совокупной общественной потребности. Роль такого центра на первоначальном этапе должно было взять на себя государство.

Отсюда особое значение придается проблеме распределительности в концепции марксизма. Все распределительные функции социалистического государства централизованы, все предприятия работают для «общего котла» и снабжаются из «общего котла». Связь между передачей предприятием продуктов в «общий котел» и выдачей оттуда средств производства для продолжения его деятельности неопределенная, констатировать и сопоставить эти акты практически невозможно. Объективный критерий для оценки деятельности отдельных производственных звеньев отсутствует. Поскольку в основе требований Госплана и Госснаба лежат субъективные решения бюрократического аппарата, использование средств не всегда соответствует критерию экономической эффективности. Так неизбежно моделируется заведомо затратная экономика.

В связи с исключением из механизма регулирования конкурентной среды особую значимость при социализме приобретает учет. Ле-

нинский тезис «социализм — это учет» пророчески глубок, однако социализм этого учета *по определению* осуществить не может. При социализме отсутствует возможность сопоставить цены производителя, рассчитанные из издержек, с ценами потребителя, формируемыми на основе ценностной оценки товара. Односторонняя оценка со стороны трудозатрат весьма субъективна. Не представляется возможным дать оценку себестоимости продукции, поскольку неизвестна действительная рыночная стоимость использованного в производстве сырья. И если в условиях рыночной экономики себестоимости продукта противостоит цена, независимая от предпринимателя, то на социалистическом рынке — общественная стоимость, определяемая общественно-необходимыми затратами труда, т. е. величина, выведенная из себестоимости того же продукта, но произведенного не на одном, а на всех социалистических предприятиях.

Это противоречие марксистской теории было подмечено уже в начале социалистического эксперимента в известной работе Б. Бруцкуса «Социалистическое хозяйство», опубликованной в 1922 году [5]. Поставив по сути знак равенства между категориями «стоимость» и «ценность», Б. Бруцкус утверждает, что если, следуя за Марксом, принять труд в качестве единственного мерила стоимости, то на практике осуществить механизм трудового учета при социализме невозможно. Так, невозможно найти общий критерий для сравнения труда низшей и высшей квалификации, особенно если последняя обусловлена природными дарованиями. Кроме того, объективная оценка деятельности отдельного предприятия требует одновременного учета трудовых затрат во всем народном хозяйстве. На первый взгляд, простой и очень объективный учет трудовой стоимости в действительности оказывается очень сложным и совсем не таким объективным. Выяснение принципов системы социалистического учета, по мнению Б. Бруцкуса, является самым больным местом социализма.

Все же стоит отметить, что попытка подсчитать стоимость продукции с учетом трудозатрат предпринималась выдающимся экономистом-аграрием А. Чаяновым. Он выдвинул концепцию «единой модальной контрольной себестоимости» [4]: продолжая традиции классиков, оценил труд по стоимости воспроизводства рабочей силы с учетом рентной составляющей, взяв в качестве мерила семейный бюджет крестьянина за вычетом доходов от промыслов. По мнению А. Чаянова, декретная цена должна была быть доведена до уровня, который оплачивал бы издержки и капиталовосстановление

наихудших по себестоимости хозяйств в пределах объема производства, вырабатываемого общественно-необходимым объемом сырья. Однако такой подсчет в масштабах страны был абсолютно невозможен, практическое применение идея не получила.

С другой стороны, трудовая теория стоимости не позволяет оценить продукт со стороны потребителя, которого не интересуют условия его производства. Трудовой учет бессилён дать какие-либо абсолютные указания о том, необходим ли данный товар рынку, выгодно ли вообще данное предприятие. В подавляющем большинстве случаев товар имеет смысл произвести при одних затратах и не имеет смысла производить при других. Где же в социалистическом хозяйстве найти мерило выгодности производства? Такого мерила при социализме нет. Л. Мизес утверждал: «Где нет свободного рынка, там нет механизма цен, а без механизма цен нет и экономического расчета» [6]. Отсюда изначальная неэффективность, обреченность на отставание от общественных потребностей, что еще более усиливает затратный характер всей экономики.

Государство, лишённое рыночного учета, вынуждено вводить тотальный контроль за всеми элементами производства. Проверки нагромождаются на ревизии, и устанавливается уродливое несоответствие между рабочим и контролирующим аппаратом. А между тем этот контроль не обеспечивает хозяйственной рациональности предприятия. Подавление конкурентной инициативы, исчезновение объективных критериев оценки деятельности, колоссальная бюрократизация всех вертикальных и горизонтальных связей, отлитая в устойчивые формы консерватизма и инерции, снижают эффективность народного хозяйства.

Если социализм не дает простора для проявления инициативы в сфере производства, то еще меньше он в состоянии обеспечить свободу в сфере потребления. Авторитарное распределение потребительских благ отрицает право на свободное удовлетворение потребностей как физических, так и духовных, а предлагает удовлетворение только тех потребностей, которое государство считает нужным удовлетворять. Не говоря уже о громоздкости и дороговизне такой системы распределения.

Аналогичное несоответствие наблюдается и со свободой перемещения рабочей силы. Поначалу возникшая необходимость прибегнуть к принудительной организации труда связывалась с военными условиями и воспринималась как временная мера. А между тем

связь социализма с принудительностью необходимая, а не случайная. Уравнилительный принцип вознаграждения за труд лишает социализм механизма, вызывающего спонтанное распределение труда в соответствии с общественными потребностями, но так как такое распределение все же необходимо, то остается его установить принудительно. Указанную связь интуитивно уловил и принял Л. Троцкий, выдвинув идею трудовых армий. Социалистическая форма хозяйства устанавливалась фактическим обращением огромного большинства народа в рабство. Русский опыт социализма показал, писал А. Изгоев, что опасения Г. Спенсера перед «грядущим рабством» не были пустой полемической фразой [7].

Социализм несовместим с принципом свободы ни в производстве, ни в потреблении, ни в перемещении рабочей силы. Он требует полного подчинения интересов своих граждан общественным интересам, выразителем которых является бюрократический аппарат. Этот блестящий вывод Б. Бруцкус сделал еще в начале социалистического эксперимента. Несовместимость социалистического строя с индивидуальной свободой была очевидна для всех, кто пытался вдуматься серьезно в его конструкцию, исходя даже из посылок научного социализма. К этому выводу приходили не только противники социализма, но и его приверженцы. Так, выдающийся ученый-экономист М. Туган-Барановский указывал: «Централизация социалистического государства, предполагающая строгое подчинение личности велениям центральной власти, передачу этой последней всей хозяйственной инициативы и всей ответственности за правильный ход процесса общественного хозяйства, не соответствует идеалу наибольшей свободы личности» [8].

Кроме объективных, есть причины субъективного характера, не позволяющие социалистическому производству достигнуть высокой производительности. К ним относятся: во-первых, психология рабочего, отрицательно реагирующего на принцип уравнительности в оплате труда, во-вторых, психология управленца, коренным образом отличающаяся от психологии свободного предпринимателя; в-третьих, психология бюрократии, нацеленная на получение перераспределительной ренты, а не на эффективный контроль за использованием государственной собственности; в-четвертых, безразличие остальных членов общества к результатам хозяйственной деятельности.

Психология рабочих оказалась недостаточно пролетарской. Когда социалистическая организация труда разрушила все побуждения к

труду, выяснилось, что пролетариат глубоко заражен «мелкобуржуазным ядом» и не желает работать за равный паек, без индивидуальной выгоды.

Психология социалистического управленца — это психология чиновника и не более. Риск предприятия лежит не на нем, а на государстве, он мало теряет от неудачи и ничего не выигрывает от удаче. Вознаграждение, получаемое управляющим за хорошую организацию производства, — это ничтожная доля дохода, равномерно распределенного между всеми членами общества. Более или менее уравнилительное вознаграждение за труд подавляет значительную часть стимулов, возбуждающих дух предприимчивости.

При громадной концентрации всех экономических функций в руках государства колоссальна ответственность бюрократов — идейных вдохновителей, организаторов и контролеров социалистического производства, она несопоставимо больше, чем в рыночной экономике. Но стимулы, которые может дать социалистическое общество, не сопоставимы с ответственностью стоящих перед ними задач. Поэтому интересы бюрократии не совпадают с национальными интересами, более того, они расходятся с ними. «Задача государства предполагает полностью эффективный набор прав собственности с целью максимизации совокупного продукта общества; задача бюрократии сводится к попыткам специфицировать такой набор фундаментальных правил, который позволил бы максимизировать ей получаемую монопольную ренту [9]. Эта рента извлекается не за счет производительной деятельности, а за счет перераспределения имеющихся в экономике ресурсов с учетом личных, узкокорыстных интересов. «Плоды» своего оппортунистического поведения государственный чиновник пожинает сам, а возникающие в связи с этим экономические потери падают на всех членов общества и он в качестве совладельца государственной собственности несет ничтожно малую их часть.

Усилия отдельных представителей элиты (например, правящей партии) по налаживанию эффективного контроля за деятельностью государственных служащих требуют значительных затрат времени и средств, тогда как выгоды от установления такого контроля получают все члены общества. Непропорциональное затраченным усилиям распределение выгод и затрат делает рентоориентированное поведение более предпочтительным.

В рыночной системе собственники сами оплачивают издержки своей деятельности, при социализме эти издержки перекладываются

на все общество в целом. Однако общество — совокупность значительно большая, чем любое предприятие, поэтому «при государственной собственности издержки любого решения или выбора в меньшей степени ложатся на избирателя, чем на владельца в условиях частной собственности» [10]. Это объясняет, почему члены общества слабее заинтересованы в контроле за результатами использования государственной собственности: стимулы контролировать поведение бюрократов и руководителей оказываются гораздо меньше.

Такое распыленное, неконцентрированное распределение усилий и результатов делает государственную собственность неэффективной. Особенность социалистической системы не в том, что она вообще порождает подобные явления, а в том, что на ее основе не возникает достаточно разветвленных обратных связей и эффективных компенсаторных механизмов, способных им противодействовать [11].

Однако, взяв на вооружение марксистскую теорию трудовой стоимости и встав на путь построения социалистического хозяйства, государство решило наладить его статистически обоснованным единым хозяйственным планом. В результате была создана громоздкая административно-командная система управления. Даже во всеоружии теоретической науки и громадного статистического аппарата социалистическое государство не в силах было измерить, взвесить, оценить потребности своих граждан, а потому не могло выдать необходимые директивы. Выход был найден в игнорировании потребностей, в развитии производства ради производства, в преимущественном росте 1-го подразделения. «Закон преимущественного роста средств производства», отвергнутый динамикой структуры национального продукта высокоразвитых стран¹, в СССР был положен в фундамент теории построения социализма. Не вызывает сомнений, что такой характер экономики, в результате которой лишь 1/4 всей промышленной продукции шла для потребления людей, не вызывался реальной экономической необходимостью, а прямо противоречил ей. Сложившиеся пропорции явились следствием пренебрежения государства к нуждам собственного народа. В то время, как на внешнем рынке страна выбивалась в число ведущих держав по выплавке стали, чугуна, добыче нефти, газа и т. д., внутренняя экономика и со-

¹ В частности, в США удельный вес предметов потребления в материальной части национального продукта, составлявший в конце 50-х — начале 60-х годов XX века 60 %, к концу века вырос до 83 %.

циальная сфера не только не прогрессировали, но существенно деградировали. Об этом свидетельствовал постоянный дефицит на необходимые предметы потребления, которые нельзя было купить даже в условиях весьма ограниченных доходов населения и соответственно невысокого спроса. Таков парадокс социализма, идущий вразрез естественной разумной общественной организации. Если в цивилизованных обществах богатство страны достигается за счет увеличения благосостояния всех ее граждан, в тоталитарной системе — наоборот, за счет полного пренебрежения потребностями людей, изматывания всех потенциальных, физических и духовных возможностей народа.

В литературе в силу оторванности анализа производительных сил и производственных отношений встречается противоречие, базирующееся на отрицании их единства, другими словами, допускается мысль о независимости развития двух сторон общественного производства. Данная позиция обосновывается иллюстрацией разрыва между развитием экономики и производства, попыткой доказать их разнонаправленность в условиях социализма. Делается вывод о том, что производство и экономика вовсе не одно и то же, и что возможно их движение в противоположных направлениях: рост производства и деградация экономики. Однако, если придерживаться органического единства производительных сил и производственных отношений, справедливо высказывание, что при отрыве одной из неразрывных сторон общественного производства от другой создается ситуация, аналогичная тому, как если бы в нормальном человеческом организме при его развитии кости человека перерастали все остальные части тела и прорывали кожу [12]. Так и социалистическая собственность не обязательно мешает росту, но всегда он происходит путем невероятных затрат, навязываемых насильно. Поэтому отмеченная выше разнонаправленность может иметь место лишь временно, как парадокс, и только до тех пор, пока координирующие систему факторы способны удерживать ее в состоянии относительного равновесия.

ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ: ЛЕНИНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В ТЕОРИИ И НА ПРАКТИКЕ

Оценка многими историками советского периода состоит в заключении, что Октябрь представлял собой обуздание «бунта бессмысленного и беспощадного». Хорошо выстроенная организация, именуемая РКП, воспользовавшись благоприятными историческими условиями и вооруженная изумительно четкой марксистской доктриной, начала, попирая естественный ход истории, насильственно внедрять рационалистическую схему построения общества, его экономики, политики и идеологии. Октябрьская революция опиралась на ряд фундаментальных положений ленинской платформы, которые в ближайшем времени обнаружили свою несостоятельность. В самом обобщенном виде эти положения сводились к следующему.

Главная идея состояла в том, что современное общество готово перейти к социализму. В концентрированном виде она отразилась в ленинской теории империализма. Во второй Программе РКП(б), принятой VIII съездом партии, сложившаяся в мире на тот момент ситуация была охарактеризована следующим образом: «Только пролетарская, коммунистическая революция может вывести человечество из тупика, созданного империализмом и империалистическими войнами» [13]. По существу, единственным доводом в пользу социализма был тезис о том, что империализм все уже подготовил для перехода к «высшему типу общественного хозяйствования», так как он создал аппарат «для общественного регулирования процесса производства и распределения продуктов». Для построения социализма нужна лишь диктатура пролетариата, захват капиталистических монополий рабочим классом, ибо «социализм есть не что иное, как государственно-монополистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией» [14]. Именно проект создания централизованного управления экономикой и был заложен во вторую Программу РКП(б).

Ленин, говоря о том, что Россия вошла в стадию монополистического капитализма, ссылаясь на существовавшие тогда три синдика-

та: «Продуголь», «Продмет» и Сахарный синдикат. За «готовые для социализма формы» принимались такие экономические рычаги, как карточные системы распределения продуктов, которые империализм ввел в условиях тотальной войны. Не ставя сейчас вопрос, верно ли Ленин изобразил предвоенное положение империализма по существу, спрашивается, применима ли была теория Ленина к России, если даже допустить, что она могла быть верной для ведущих стран Западной Европы и Америки?

Ссылки Ленина, послужившие теоретическим обоснованием необходимости социалистической революции, в действительности не имели объективной опоры. Это не были выросшие из самой экономики объективно созревшие централизованные формы регулирования хозяйства. За реальное обобществление принимались государственные, сугубо административные меры регулирования экономики, от многих из которых капитализм сразу после войны отказался. Названные три синдиката бесследно исчезли в хаосе послеоктябрьского разгромленного хозяйства и никакой объективной основой для начавших строиться с 1921 года советских трестов и синдикатов не стали. А огосударствление собственности на средства производства, жесткая государственная централизация управления народным хозяйством с первых лет Советской власти явились не столько следствием особых военных условий, сколько попыткой практического воплощения концептуальных марксистских представлений о регулировании социалистической экономики. И если сегодня можно считать ошибкой проводимое тогда повальное обобществление, то иного выхода у революции, имевшей такие теоретические посылки, не было.

Во второй Программе партии сплелись два подхода к экономике социализма: с одной стороны, классически марксистский, с другой — отражающий специфику российских условий. Последний признавал уровень экономики явно недостаточным, чтобы стать базой социализма. Поэтому ни экспроприация буржуазии, ни объединение всех аппаратов финансового капитала в единый централизованный механизм еще не давали социалистической экономики. И вторая Программа в качестве главной проблемы ставит вопрос о «всемерном повышении производительных сил страны». На ее страницах возникает образ социализма, не известный классикам. Это не социализм, выступающий как итог обобществления производительных сил старого строя, а социализм, который будет итогом усилий новой власти, итогом строительства, осуществленного этой властью. Таким образом,

здесь соотношение базиса и надстройки общества представлялось в перевернутом виде: сначала предполагалось взять власть, а потом уже осуществлять строительство нового строя. В прямую противоположность пониманию Марксом производственных отношений как объективных была сделана уникальная в истории попытка построить их рационально, субъективно, искусственно. Повивальная бабка решила стать матерью. В силу этого советская экономическая практика была значительно более идеологизирована, гораздо больше зависела от ею же выдвинутой теории, чем западные экономики.

На первый взгляд, две концепции: социализм как объективный итог перезревшего империализма и социализм, который надо еще строить силой взятой административной власти, — сочетать трудно. Однако, как указывалось, за зрелость империализма были приняты не столько объективные экономические, сколько государственные административные формы. На этой основе возникла база для «стыковки» обоих подходов. Если в наследство от империализма достались во многом административные формы и если задача строительства отсутствующей экономики социализма тоже выводит на административный путь, то появляется возможность синтеза обоих подходов в рамках единой административной концепции социализма. Возникает образ экономики, в которой государство «хозяйственным заданием», направляемым из центра, организует «всю хозяйственную деятельность страны».

Как видим, в качестве критерия готовности общества к социализму была принята прежде всего глубина тупика, в котором оказался империализм начала XX века, и масштаб порожденных этим тупиком противоречий. Приверженность социалистической идее не допускала мысли о том, что тупик строя — это всего лишь довод в пользу перемен в этом строе, но еще не аргумент в пользу его смены. Империализм первой четверти XX века зашел в тупик, но можно ли было на основании этого считать, что единственный выход — в социализме?

Создание централизованной системы управления требовало подчинения всего общественного хозяйства единому государственному планированию. Построение социализма предполагало ликвидацию любых рыночных отношений, торговли, денег, банков и т. д., и «неуклонную замену их планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов» со «строгой централизацией всего распределительного аппарата». Во второй Программе партии представлен социализм, где все охвачено единым планом цен-

тра, где главными являются задания государства, где не должно быть материального стимулирования, где нет товарного производства и денег, где все держится на дисциплине. И все это — логичное следствие концепции: не ждать, а начать строить социализм, опираясь на административную силу государства, на всю мощь его аппарата.

Следующая ленинская установка требовала «социализации всех средств и орудий производства», в том числе мелких и мельчайших предприятий, хозяйств и т. д., а также немедленного перехода к общественной обработке земли. Первой была национализирована фабрика товарищества Ликинской мануфактуры А. В. Смирнова (Владимирская губерния). По данным переписи 1918 года, с ноября 1917 по март 1918 года было национализировано 836 промышленных предприятий, к осени 1918 года в руках советского государства сосредоточилось 9542 предприятия. К апрелю 1919 года практически было покончено с крупными предприятиями, к началу 1920 года в основном национализированы средние. Национализировалось все подряд, без учета какой-либо экономической целесообразности. Эта ошибка в дальнейшем была признана Лениным, когда он сказал, что «мы очень много погрешили, слишком далеко зашли по пути национализации торговли и промышленности, по пути закрытия местного оборота». Социализм в деревне насаждался путем насильственной коллективизации, проводить которую призваны были специально для этого созданные комитеты бедноты. Однако борьба против кулаков вылилась в обычный разбойничий грабеж, поддерживаемый властью. В связи с этим уже через 5 месяцев комитеты бедноты были упразднены, и Ленин заявил, что вопрос о колхозах надо отложить, а сегодня опереться на единоличного крестьянина.

Механизмом осуществления планомерности социалистического хозяйствования должен был стать единый Государственный банк. Предполагалось уничтожение торговли и введение карточной системы распределения продуктов, причем не как временной меры на период войны, а как неотъемлемого элемента социалистического строя, несовместимого с товарным производством. При «планомерном распределении продуктов» деньги утрачивали свое значение и, соответственно, подлежали уничтожению. О том, чтобы с деньгами покончить, по свидетельству В. Молотова, говорили уже в двадцатом году [15]. Сосредоточением в руках Государственного банка функций всех остальных банков, кредитных обществ и сберегательных касс предполагалось наладить «общегосударственное счетоводство»,

«общегосударственный учет производства и распределения продуктов», что служило бы «скелетом социалистического общества». Национализация банков разрушила кредит, лишив таким образом промышленность финансовых средств. Чтобы сотни тысяч рабочих не остались без заработка, пришлось кассу Государственного банка усиленно пополнять печатанием бумажных денег. Курс на «отмирание денег» на практике привёл к фантастической гиперинфляции, во много раз превзошедшей инфляционные темпы периода царского и Временного правительств. Если за годы войны 1914–1917 цены выросли приблизительно в 3 раза, за период деятельности Временного правительства — еще во столько же, то к октябрю 1918 г. цены по сравнению с довоенными выросли в 102 раза, а к октябрю 1923 года — в 648 230 000 раз [16].

Аналогично банковскому предполагалось создать систему торгового оборота. Был установлен бесплатный отпуск по карточкам продовольственных товаров, предметов широкого потребления, бесплатное жилье, топливо, коммунальные и другие услуги. Для решения продовольственных задач была развернута кампания продразверстки, неограниченные полномочия по централизованной заготовке и распределению продуктов получил Наркомпрод. Аналогично нормам, введенным Временным правительством в 1917 году, были установлены нормы душевого потребления для крестьян: 12 пудов зерна, 1 пуд крупы и т. д. Весь хлеб, превышающий нормы, должен был передаваться в распоряжение государства по установленным ценам. Ленин называл продразверстку «своеобразным военным коммунизмом», временной мерой, вынужденной крайней нуждой, разорением и войной. Под «своеобразием» понималось изъятие у крестьянства всего прибавочного и части необходимого продукта для удовлетворения нужд армии и рабочих. Для внедрения продовольственной диктатуры в жизнь была создана Продовольственно-реквизиционная армия из вооруженных продотрядов, наделенных чрезвычайными полномочиями.

Изъятая продукция распределялась в соответствии с постановлением о классовом продовольственном пайке. Снабжаемые делились на 4 категории, от рабочих, работающих в особо тяжелых условиях, кормящих матерей и беременных женщин до рабочих, занятых на легких работах, женщин-домохозяек, детей, пенсионеров, безработных, лиц свободных профессий и неопределенных занятий. Объем выдаваемого соотносился по группам как 4:3:2:1. Выдача по 4-й

категории осуществлялась по мере удовлетворения спроса первых трех [17]. Несмотря на усилия государства в 1921—1922 гг., начался массовый голод, во время которого погибло до 5 миллионов человек. Политика продразверстки вызвала недовольство широких слоев населения, прошли народные восстания на Тамбовщине, в Западной Сибири, Кронштадте. К концу 1920 года хлынул «зелёный потоп» — сплошной пояс крестьянских восстаний, усугубленный массовым дезертирством, и начавшейся демобилизацией Красной армии. К 1921 году недовольство существующей и ничего не дающей системой распределения достигло такой степени, что пришлось пойти на «свободу оборота», которая предстала в виде резолюции о замене продразверстки продналогом. Отныне крестьянам разрешалось после уплаты налога оставшуюся часть сельскохозяйственной продукции использовать для улучшения и укрепления своего хозяйства, повышения личного потребления и рыночного обмена. Введение продналога означало отход от политики военного коммунизма, хотя Ленин и считал это уступкой капитализму. Поэтому и тут вопрос ставился лишь о мере: до какой степени можно восстановить свободу торговли для мелких землевладельцев, не подрывая этим корней политической власти пролетариата?

Наиболее одиозным выглядел лозунг о том, что любая кухарка сможет управлять страной, и что «все будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял. Ленин считал, что так как к выполнению государственных функций может быть привлечено «поголовно все население» и «эти функции вполне можно будет выполнять за обычную заработную плату рабочего, то это должно будет отнять у этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, начальственного» [18]. Этот лозунг заключал в себе элементы демагогии, но главное состояло в том, что в нем отразилась полная непродуманность взглядов, идей, концепций, составляющих основу большевистского мировоззрения.

Аналогично идее поголовного и поочередного управления государством профсоюзы должны были сосредоточить в своих руках все управление народным хозяйством как единым целым. По мнению Ленина, они должны были превратиться из органов борьбы продавцов рабочей силы в аппарат правящего рабочего класса. Видный публицист тех времен А. Изгоев писал: «Альфой и омегой нового экономического порядка большевики объявили «рабочий контроль»: пролетариат сам берет дело в свои руки». «Рабочий контроль» очень

скоро обнаружил свою истинную природу. Эти слова звучали всегда как начало гибели предприятия. Власть на фабрике и заводе переходила к быстро сменяющимся комитетам, фактически ни перед кем ни за что не ответственным. Немедленно уничтожалась всякая дисциплина. Знающие, честные работники изгонялись и даже убивались. Производительность труда понижалась обратно пропорционально повышению заработной платы, часто в головокружительных пропорциях, до 500—800 %. Предприятия продолжали существовать только вследствие того, что или государство, владевшее печатным станком, брало к себе на содержание рабочих, или же рабочие продавали и проедали основные капиталы предприятий» [19].

Позже Ленину пришлось признать, что для управления промышленностью необходимы квалифицированные, опытные управляющие, а не самодеятельная организация рабочих, что принцип выбора управляющих должен осуществляться «на основе практического стажа, технической компетентности, твердости, организаторской способности и деловитости». И Ленин потребовал заменить коллегиальное управление единоличной властью. Всякое вмешательство профсоюзов, рабочих комитетов в управление предприятиями отныне было признано вредным и недопустимым.

И наконец, Ленин верил, что Октябрьская революция — лишь прелюдия к мировой революции. «На долю страны отсталой выпала честь идти во главе мирового движения», — с гордостью заявлял он. Действительно, революционная идея была столь заразительна, что западные страны поддались ее искушению. Революции произошли в Германии, Баварии, Венгрии, но результат не оправдал ленинских надежд. Поэтому, утратив иллюзии, Ленин основную задачу видел позже не в перманентной революции, а в сохранении мира любой ценой, мира в окружении множества врагов. Надо, считал он, от отношений войны стремиться переходить к отношениям мирным и торговым. Изменение взглядов Ленина произошло в связи с пониманием слабости России. Однако эта идея мирового господства, затухая, уходя вглубь, все же осталась, и вплоть до развала социалистического лагеря проявлялась в постоянном соревновании двух систем, в стремлении доказать, что мы лучшие, в желании «догнать и перегнать Америку», в перетягивании на свою сторону освободившихся колониальных стран за счет интернациональной помощи.

Эти исходные ленинские положения в период военного коммунизма показали свою несостоятельность и были отброшены. Но так

как отказаться от них полностью означало отречься от коммунистической идеи в принципе, то весь дальнейший путь строительства социализма представляет собой лавирование между несостоявшимися взглядами и реалиями жизни. Практическое же применение механизма централизованного государственного регулирования закончилось тем, что уже к началу 1921 года страна попала в жесточайший экономический кризис. Вместо ожидавшегося роста производительности труда итогом стало ее резкое падение: к 1920 году производительность труда сократилась, в том числе вследствие массового недоедания, до 18 % по сравнению с довоенным уровнем. Если до революции средний рабочий потреблял в день 3820 калорий, то в 1919 году эта цифра упала до 2680, чего уже было недостаточно для тяжелого физического труда. Выпуск промышленной продукции к 1921 году уменьшился в три раза, а численность промышленных рабочих сократилась вдвое. В то же время штаты ВСНХ выросли примерно в сто раз, с 318 человек до 30 тысяч; вопиющим примером стал входивший в состав этого органа Бензиновый трест, разросшийся до 50 человек при том, что управлять ему приходилось всего одним заводом с численностью 150 рабочих. Аналогичное падение произошло в сельском хозяйстве. Вследствие полной незаинтересованности крестьян в увеличении посевов производство зерновых к 1920 году упало по сравнению с довоенным периодом в два раза. Тяжелое положение промышленности и сельского хозяйства усугублялось развалом транспорта. Доля «больных» паровозов с довоенных 13 % выросла к 1921 году до 61 %, состояние транспорта приблизилось к порогу, после которого мощностей должно было хватать лишь на обслуживание собственных потребностей [20].

Такова была ситуация, при которой Ленину в ожесточенной борьбе с подавляющим большинством в руководстве партии и в ней самой пришлось выдвинуть НЭП. Суть новой экономической политики состояла в дополнении методов прямого регулирования экономики из единого центра механизмом, включающим элементы рыночного саморегулирования. В марте 1921 года на X съезде РКП(б) задачи политики «военного коммунизма» были признаны руководством страны выполненными и введена новая экономическая политика. В. И. Ленин писал: «Военный коммунизм» был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой» [21].

С позиций сегодняшнего дня это было абсолютным признанием необходимости внедрения товарно-денежных отношений. Тогда же это признание считалось временным, несмотря на все заявления Ленина, что «НЭП — это всерьез и надолго». Так пришел конец единству мнений, присущего периоду военного коммунизма, и лишь благодаря огромному политическому влиянию Ленина НЭП смог получить официальное признание. Внутри единой линии возникли разногласия, представленные с одной стороны ортодоксами, с другой — гибкими тактиками. Хотя идеологически компартия сохраняла верность традиционной безрыночной концепции социализма. Большинство считало, что рынок можно использовать только в переходный период и с ним надо скорее кончать.

ДИСКУССИИ 20-Х ГОДОВ О БУДУЩЕМ СОЦИАЛИЗМА

Годы военного коммунизма и переход к НЭПу со всей остротой ставили вновь и вновь проблемы о сущности и возможности социалистического строя, о (при признании этой возможности) путях его построения, о перспективах, вырисовывающихся в зависимости от различного выбора путей. В этот период наиболее острых теоретических дискуссий, еще не задавленных тотальной цензурой, сформировался ряд основных теоретических позиций. Первой, главенствующей и в идеологическом, и в политическом смысле была платформа, которую отстаивал В. Ленин. Своеобразными выразителями этой же линии, но с различными уклонами, были: левая платформа, возглавляемая Л. Троцким, и правая, идеологом которой являлся Н. Бухарин. Левые марксисты — Троцкий, Каменев, Зиновьев, Пятаков, Преображенский и др. — представляли социализм не иначе как в рамках военного коммунизма. Бухарин, тоже оставаясь в рамках ортодоксального марксизма, все же признавал НЭП как временную, вынужденную меру. Рядом с ними сформировалось мощное социал-демократическое крыло, представленное в основном бывшими меньшевиками, эсерами, широким кругом оптимистично настроенной научно-технической интеллигенции, приветствовавшей НЭП и признававшей социализм не иначе как в совокупности с развитием товарно-денежных отношений. Они откровенно были готовы идти на сотрудничество с Советской властью, считая, что НЭП — это всерьез и надолго. Отдельного упоминания заслуживают «сменовеховцы» и «евразийцы» — российское зарубежье, наблюдавшее и оценивавшее происходящие у нас процессы извне. И наконец, противниками социализма вообще были уже упомянутый Б. Бруцкус, П. Сорокин, И. Озеров и другие, не зараженные социалистической эйфорией мыслители, доказывающие принципиальную невозможность его построения. Остановимся подробнее на характеристике основных положений каждой позиции, оппонирующей ленинской платформе.

«ЛЕВАЯ ОППОЗИЦИЯ»

Оппортунистическая «Левая оппозиция», возглавляемая Л. Троцким, выступила с «Новым курсом», в котором подвергла атаке ленинскую экономическую политику как ведущую страну к гибели. Основная причина усматривалась в отсутствии планового руководства страной, от которого, по заявлению Л. Троцкого, «зависит судьба революции — полностью и целиком». Анализируя заявления и аргументы оппозиции, нетрудно обнаружить, что за ними стоит глубокое неприятие и отталкивание НЭПа. Заявлялось, что «нэповской политике правительства нужно противопоставить настоящую коммунистическую политику», в качестве последней предлагался возврат к военному коммунизму. Положения оппозиции сводились к следующему:

- резко критиковался торговый капитал как несоциалистический элемент, который необходимо искоренить;
- указывалось на необходимость подчинить все хозяйство плановому руководству, «собрать все предприятия в одну систему, повинующуюся единому мощному планирующему центру»;
- выдвигались настоятельные требования мощного и ускоренного развития промышленности.

Для изыскания средств на восстановление и расширение основного капитала предлагалось в цену промышленной продукции сверх себестоимости включить огромную прибыль. В погоне за максимальной прибылью цены в 1923 году по предложению Г. Пятакова были подняты такую высоту, что создалось абсурдное явление: в стране с товарным голодом, ничтожной товарной продукцией осенью 1923 г. разразился кризис сбыта. Цены стали абсолютно недоступными. Это незамедлительно вызвало резкое расхождение цен между промышленной и сельскохозяйственной продукцией. Требование мощного и ускоренного развития промышленности закономерно утравливало сельскому хозяйству участь «дойной коровы».

Через эту же призму следует рассматривать поистине зловещую теорию Е. Преображенского о первоначальном социалистическом накоплении. Проведя аналогию с первоначальным капиталистическим накоплением, Е. Преображенский выдвигает свою теорию, откровенно перенося методы самого мрачного периода капитализма на социалистический строй. Он различает два рода накоплений: социалистическое, присоединяющее к функционирующим средствам

прибавочный продукт «создаваемый *внутри* социалистического хозяйства», и так называемое «первоначальное социалистическое», которое черпает свои средства «вне комплекса государственного социалистического хозяйства», «из источников *досоциалистических форм хозяйства*» [22]. Иными словами, предлагалось насильно выгребать средства из деревни, из хозяйств мелких производителей, кустарей, отовсюду вне социалистического хозяйства. При этом указывалось, что «чем более отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна... чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны ... тем относительно больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на отчуждение части прибавочного продукта *досоциалистических форм хозяйства*» [23]. Таким образом, отрицая НЭП, Преображенский все же понимал, что его нельзя уничтожать сразу, а нужно вести систематично сознательное «пожирание» частного хозяйства ускоренным мощным развитием социалистической системы, укрепляющей свой «остов», свой «основной капитал» процессом усиленного «накопления». Согласно теории Преображенского, рабочий класс вправе «сидеть верхом» на мелких производителях и ради социалистического накопления выжимать из них все до последнего предела.

Оценивая сегодня платформу левой оппозиции, можно сказать, что в ее экономической политике наиболее полно и глубоко отражалась сущность реального социализма. Она адекватно выражала требования практических социалистических свершений, что позже и осуществлялось при Сталине. Хотя на этом этапе оппозиция подверглась резкой критике и выдвинутый ею курс был признан неприемлемым, в дальнейшем, после уничтожения всех ее представителей, именно эти концепции стали идеологическим оформлением сталинизма.

«ПРАВЫЕ» БОЛЬШЕВИКИ

Позиции Л. Троцкого противостояла позиция Н. Бухарина. Оставаясь в рамках ортодоксального марксизма, Н. Бухарин и его сторонники признали и приняли НЭП, но как временную необходимую меру, как определенный этап построения социализма. По мнению Бухарина, «с точки зрения сознания эпохи военного коммунизма

НЭП-ка была несомненным и очень крупным *отступлением*, с точки зрения реальной революционной линии она была предпосылкой, первым шагом, общим необходимым *условием* действительной хозяйственной политики пролетариата, т. е. политики, ориентирующейся на развитие производительных сил страны» [24].

В отличие от троцкистов Н. Бухарин, несомненно, более реально оценивал потенциальные возможности страны. Он признал, что «преимущества крупного производства, как... суть преимущества пролетариата, не могли существовать в условиях падения производительных сил, хозяйственного распада, отсутствия источников сырья и топлива, полного отсутствия управляющих и знающих кадров». Поэтому если раньше классовая борьба носила военно-политический, ударный характер, то с приходом НЭПа она приобрела «мирно-хозяйственно-органическую физиономию».

Придавая большое значение планированию, Н. Бухарин указывал, что его нельзя установить сверху, рационалистически. Оно должно вырасти вместе с ростом крупного социализированного производства, вместе с его централизацией. И, управляя крупной промышленностью и транспортом, пролетариату необходимо считаться с громадным давлением разрозненных мелких хозяйств, подверженных мощной рыночной стихии. Далее, по мере централизации хозяйства, кооперирования крестьянства, будет все более реальным хозяйственный план, который все скорее будет превращаться в действительный план всего общественного производства.

И здесь Бухарин уловил параллель между общей тенденцией развития капитализма, направленной на вытеснение мелких и централизацию крупных капиталов, пределом чего, согласно ленинской схеме, становится государственный капитализм, и строительством социализма, с тем лишь отличием, по его мнению, что в последнем случае борьба крупного капитала с мелким «*по сути дела, т. е. с точки зрения классов*, имеет резко выраженный пролетарский, антикапиталистический, социалистический характер». Таким образом, Бухарин признал, что форма обобществления при государственном капитализме и социализме одинакова, но «с той принципиальной, существеннейшей разницей, — как он полагал вслед за Лениным, — что крупное производство находится в руках пролетарского государства».

Это кажущееся формальное тождество позволило многим современным исследователям социализма в СССР склониться к выводам о том, что социализма у нас никогда не было, а была разновидность

государственного капитализма с концентрацией власти в руках государственного аппарата. Произошла путаница в понятиях: «государственный капитализм», доминирующим компонентом которого остается частная собственность, и «бюрократический социализм», основанный на государственной собственности. Хотя еще современник Ленина Н. Валентинов писал в своих воспоминаниях: «Капитализм предполагает частную собственность на средства и орудия производства. А этого у нас нет. Где и в какой стране существует капитализм с такой широчайшей национализацией всех важнейших отраслей народного хозяйства? Такого капитализма *в мире нет*. Это все что угодно, только не капитализм» [25].

Сегодня те, кто говорят, что советский строй не был социализмом, допускают, что социализм может быть построен как-то иначе. Однако если собственность, выдаваемая за общественную, принадлежит государству, то это социализм, и может он строиться только так, как это было у нас, т. е. социализм ничем иным по форме, как государственный капитализм, быть не может, с той лишь существеннейшей разницей, что эта форма якобы служит интересам основного собственника средств производства — народу. Но при этом неизбежно существование бюрократического аппарата, основной задачей которого является «справедливое» для всех распределение национального дохода с учетом общегосударственных, общественных потребностей. Фактически же, в силу своего положения, он становится правящим классом. Провозглашенное равенство социализма на деле превращается в абсолютное господство, неравенство. Бюрократия при решении общенациональных проблем может учитывать прежде всего собственные потребности, быть нацеленной на извлечение политической ренты, у нее отсутствует мотивация к наиболее рациональному использованию ресурсов и повышению экономической эффективности. Все дальнейшее — народнохозяйственный план, директивное ценообразование, госзаказы и госзакупки, несогласованность между работой звеньев общественного хозяйства — это производное от несоответствия между провозглашенными целями социализма и методами их достижения.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

Особенно интересна позиция социал-демократических сил, не входящих в руководство ВКП(б), но активно поддерживающих новую экономическую политику. Их представляли трезвомыслящие публицисты, ученые, экономисты, верившие, что Советская страна, уйдя от военного коммунизма, но не возвращаясь к капитализму, сможет при самоотверженной работе построить «дом», удобный для всех классов общества. Наиболее яркими сторонниками этой позиции были А. Чаянов, Н. Кондратьев, и многие другие представители лучшей части интеллигенции; они в условиях НЭПа решили сотрудничать с властью, надеясь на необратимость реформ, на возобладание здравого смысла. Ими высказывались зачастую довольно смелые суждения, идущие вразрез с общепринятыми оценками. Однако, уже приняв социализм в «усовершенствованном» нэповском варианте, они не хотели видеть явных противоречий, не поддающихся никакой шлифовке. Констатируя огромное оживление хозяйственной жизни, принесенное быстро создававшимися новыми и восстановленными старыми мелкими промышленными предприятиями, демократически настроенная интеллигенция полагала, что их значение в экономике теперь уже понято, и поэтому им не грозит вторичная попытка уничтожения. Отказ Ленина от насильственной коллективизации 1918 г. казался им естественным возвратом к цивилизованным отношениям, неприемлющим искусственные силовые методы. В абсурдности некоторых ленинских идей они усматривали лишь искажение подлинных социалистических принципов в их практической реализации.

Понятно, что социал-демократия ясного представления о том, каким может быть реально в жизни социализм, не имела. Ее представители страдали романтическим оптимизмом, полагая, что можно совместить несовместимое — социализм и рынок, пытаясь реформами усовершенствовать и объединить их. И потому, сколь ни чудовищной представляется фигура Е. Преображенского, следует признать, что он оказался дальновиднее всех представителей передовой демократии, он понял невозможность компромисса между этими двумя началами, когда говорил о несовместимости НЭПа и социализма. «Нелепо думать, — утверждал Е. Преображенский, — что социалистическая система и система частно-товарного производства, включенные в одну систему национального хозяйства, могут существовать рядом, одна

с другой, на основе полного экономического равновесия. Такое равновесие длительно существовать не может, потому что одна система должна *пожирать* другую. Само существование двух систем, включенных в систему одного хозяйства страны, неизбежно приведет к тому, что либо социалистическое производство будет себе подчинять мелкобуржуазное хозяйство, либо само оно будет рассосано стихией товарного производства» [26].

СМЕНОВЕХОВЦЫ И ЕВРАЗИЙЦЫ

Эти обособленные течения зародились в эмигрантской среде российской интеллигенции. Название сменовеховству дано по сборнику «Смена вех», авторами которого были видные деятели эмиграции — Н. Устрялов, Ю. Ключников, С. Лукьянов, Ю. Потехин, А. Бобринцев-Пушкин и другие представители интеллигенции, призывавшие к примирению и деловому сотрудничеству с Советской властью «во имя русского национального дела»¹. Эта готовность к сотрудничеству роднила их с демократическим движением внутри страны, придавала внешнее сходство их позициям. Однако между ними имелось глубокое принципиальное различие. Демократические силы все же верили в построение социализма, пусть не ортодоксального, а обновленного, дополненного товарно-денежными отношениями, но все-таки социализма с присущей ему централизацией регулирования и обобществлением собственности. Сменовеховцы же, внешне сотрудничая, надеялись на постепенное разложение социализма изнутри, его эволюцию и в конечном счете реставрацию, перерождение существующего строя в буржуазный.

В меньшей степени, но тоже приняли революцию евразийцы, наиболее известны из них П. Савицкий, П. Сувчинский, Н. Трубецкой, Л. Карсавин. В основе евразийства лежала идея о том, что Россия — это не Европа и не Азия, а особый географический и историко-культурный ареал, сочетание европейских и азиатских черт с доминированием последних. По их мнению, революция сыграла положительную роль, она привела к фактическому выпадению России из рамок европейского бытия, и это поможет России вернуться

¹ Смелость такого шага подчеркивается изначальной принадлежностью авторов к консервативным кругам, участием многих из них в белом движении (например, Ю. Ключников был министром в правительстве адмирала Колчака).

в свое историческое лоно. «За тактически необходимым поворотом к Европе», осуществленном при Петре I, следует «органический поворот к Азии». Не за горами новый всплеск русской предприимчивости и русской силы, но он произойдет на иной, чем прежде (до 1917 года), — европейско-азиатской основе [27].

Основой взглядов сменовеховцев и евразийцев является «государственность рождающегося поколения», которая «будет государственностью огромного большинства земли» [28]. Большевикам воздается должное за то, что они сумели заложить основы сильной централизованной власти, а также в известной мере возродить былое могущество, создав боеспособную Красную Армию. Эту линию надо продолжить и усилить, только уже без большевиков. Лишь бы Россия была «мощна, велика, страшна врагам», а «остальное приложится». Этакая сказка о могучем русском мужике, оторванная от экономических реалий.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОТИВНИКИ

И наконец, уже в те годы даже в самой России имелись принципиальные противники социализма, не приемлющие марксистскую схему. Только сегодня мы можем оценить степень их прозорливости. Те, кого мы знаем, сгруппировались вокруг журнала «Экономист», участь которого оказалась печальной¹. Из его публикаций укажем только две: уже упомянутую статью Б. Бруцкуса «Социалистическое хозяйство» и И. Озерова «Деньги, товар и хозяйственный кошмар». При всех разночтениях их объединяет одно: абсолютное убеждение в экономической невозможности социализма. Смыкаясь во многом с позициями научно-технической интеллигенции, ставшей на путь сотрудничества с Советской властью, Б. Бруцкус, И. Озеров и их единомышленники принципиально от них отличаются. Если первые думали, что крайности революции отброшены и можно по-доброму и умно строить социализм, то вторые без обиняков заявляли, что со-

¹ Ясность и бескомпромиссность авторов объясняет ленинский гнев, вызванный журналом «Экономист». Готовый даже сотрудничать со «сменовеховством», Ленин так резюмирует свою цензорскую работу: «Это, по-моему, явный центр белогвардейцев... все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи» (Ленин В. И. ПСС. — М.: Госполитиздат, 1958. — Т. 54. — С. 265–266).

циализм можно строить только на этих крайностях. Но поскольку из этого выйти ничего не может, то и социализму наступит конец. Что, собственно, и произошло, но спустя 73 года, после множества человеческих жертв и материальных потерь.

Б. Бруцкус опубликовал свою статью в период, когда страна уже переходила к НЭПу. Успехи в экономике, ярко демонстрировавшие правильность избранного пути, позволили автору подытожить свое исследование следующим образом: «Действительность совершенно не оправдала чаяний, основанных на марксистской доктрине. Нельзя указать ни одной отрасли народного хозяйства, которая бы процветала. И полное отсутствие результатов вынудило убежденных коммунистов ждать улучшения от частичного возврата к свободному обмену и капитализму» [29].

Написанная в то же время и опубликованная в том же журнале «Экономист» (1922. — № 3) статья выдающегося финансиста И. Озерова «Деньги, товар и хозяйственный кошмар», иллюстрируя полное расстройство денежного обращения в стране, отразила принципиальные взгляды автора на социализм в целом. Автор, затронув проблемы кредитной системы, указал, что в коммунистическом государстве не может нормально функционировать этот рыночный институт. Понимая двойственность политики НЭПа, И. Озеров предлагает «взять все предпосылки капиталистического строя — вплоть до восстановления института частной собственности, который даст стимул к плодотворной работе» [30].

В тех же 20-х гг. выдающийся русский философ П. Сорокин указывал, что «выдуманые «рациональные» рецепты по сравнению с бессознательно сложившейся, но гениальной по своей тонкости и целесообразности системой «капиталистического» общества решительно никуда не годятся. Это не значит, что последняя идеальна, а значит, что по сравнению с ходячими, выдуманными системами общества и хозяйства господ коммунистов и многих социалистов она несравненно лучше и совершеннее» [31]. Понятно, что голоса противников социализма утонули в общем коммунистическом гимне, воспеваемом в то время страной.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ НЭПА

Между тем, реально воплощаясь в жизнь, политика НЭПа приносила свои плоды, внешне достаточно эффективные, но противоречивые изнутри. В результате этой политики в кратчайший срок народное хозяйство было выведено из глубокого кризиса. Если к 1920 г. объем промышленного производства уменьшился почти в 5 раз по сравнению с 1913 г., то уже в 1924 г. отставание было сокращено более чем вдвое, а на рубеже 1926–1927 гг. ликвидировано. В сельском хозяйстве, где объем валовой продукции к 1920 г. был на треть меньше довоенного, восстановление было достигнуто на рубеже 1924–1925 гг. Хотя существуют и более критические оценки достижений НЭПа. Указывается, что в 1928 году национальный доход страны был на 12–15 %, а среднедушевое потребление — на 17–20 % ниже уровня 1913 года.

Однако при всех разночтениях факт оживления экономической жизни был несомненным. Наступил в истории социалистического эксперимента первый этап, первая попытка действительной опоры на товарно-денежные отношения. Среди многообразных форм их использования магистральными оказались следующие: развитие кооперации, возрождение торговли, внедрение в промышленности новых форм хозяйствования. Промкооперации предоставлялись налоговые льготы, это способствовало увеличению числа кооперативных промышленных предприятий и расширению их оборотов. За период с 1922/1923 по 1924/1925 гг. кооперативная сеть выросла почти на 70 % [32]. Промкооперация была поставлена на одну классовую ступень с соответствующими отраслями государственной индустрии. В налогообложении она приравнивалась к государственным предприятиям, хотя по отношению к частникам налоговая политика оставалась беспощадной.

НЭП предполагал также перевод государственных предприятий на коммерческие начала. Хозрасчетная организация промышленности, работа на рынок, элементы конкуренции должны были обеспечить рациональное хозяйствование. Однако хозрасчетные права

предоставлялись не отдельным предприятиям, а трестам — отраслевым объединениям предприятий (их в народном хозяйстве насчитывалось 500). Это позволяло трестам вмешиваться в непосредственное управление подведомственных предприятий, подавлять инициативу последних. Необоснованные требования по количеству выпускаемой продукции сказывались на ее качестве. Заготовка сырья и реализация товарной массы производилась трестами в соответствии со своими видами на овладение рынком, как правило, по завышенным ценам. Тресты боялись рынка, они не приспособлялись к нему, а напротив, стремились его подчинить административным воздействием или используя свое монопольное положение.

В свою очередь тресты подчинялись жесткому регулированию со стороны ВСНХ, который спускал им производственные задания, контролировал капиталовложения, распределял полученные прибыли. Однако некоторые самостоятельные права трестам предоставлялись, в частности, право привлекать капитал других трестов, ведомств, государственных бюджетных организаций и частных лиц. Видимо, идеологи НЭПа понимали, что голая централизация управления и собственности не создает механизма для возникновения новых предприятий, для перелива капитала, для живых межотраслевых связей. Именно поэтому трестам и придавались черты акционерных обществ. Противоречия, обнажающие несовместимость в рамках треста одновременных начал акционерного и директивного управления, советская экономическая школа в конце 20-х годов разрешила, объявив, что план не противоречит хозрасчету, хозрасчетная самостоятельность осуществляется в рамках директивного планирования и направлена на выполнение плановых заданий. Была выдвинута теория «товарной собственности», ее автор А. Венедиктов полагал, что поскольку в товарных отношениях могут участвовать лишь собственники товаров, государство для включения своего имущества в сферу товарного оборота должно признать за государственными трестами формальное право собственности. Но очерченной областью право собственности треста и ограничивалось, вне товарного оборота ни в юридической личности треста, ни в закреплении за ним права собственности государство не видело необходимости. Именно поэтому «признание за трестом права собственности ни в какой мере не колеблет... единства собственности государства» [33]. Таким образом, тресты лишь во взаимоотношениях с другими производителями на рынке выступали как распорядители государственной собствен-

сти, по отношению к государству они таковыми отнюдь не являлись. Тресты тождественны государству, и потому собственность трестов — это государственная собственность, которой могли свободно распоряжаться вышестоящие инстанции.

Во избежание конкуренции между трестами, в 1922 г. стали создаваться синдикаты — объединения, охватывающие тресты целой отрасли промышленности или группы отраслей. Являясь по сути монополией, синдикат мог исключить конкуренцию, разделив рынок между входящими в его состав трестами, или навязав рынку выгодные для себя цены. Уже в середине 20-х гг. наркоматы, главки, синдикаты свободно распоряжались прибылью и капиталами трестов, выпущенной продукцией, директивно вмешивались во внутреннюю жизнь хозрасчетных предприятий. Роль предприятия как самостоятельного товаропроизводителя быстро сходилa на нет.

На протяжении всех 20-х годов экономистами неоднократно высказывались мысли о том, что «хозяйственная жизнь с трудом подчиняется централизации», что при отсутствии заинтересованности «воцаряется казенная рутина, мертвый застой и непроизводительная трата труда» [34]. На деле шла отчаянная борьба за реорганизацию управления промышленностью, за самостоятельность и независимость от центра. Директора предприятий, объединившись в клуб, добивались «растрестирования», тресты старались вырваться из синдикатов или обойти их, синдикаты доказывали вредность диктата со стороны ВСНХ и Наркомторга. При этом ни одно из звеньев системы не желало поступаться своими правами по отношению к звену нижестоящему. М. Гроссман, один из членов ликвидированного вскоре «клуба красных директоров», указывал: Централизованное управление переносит центр тяжести работы на органы, которые призваны только руководить. Следовательно, всякие планы и порядки работ устанавливаются сверху, и на основании этих выработанных планов и порядков исполняющие органы учитываются и контролируются в деталях, а потому невольно руководящие органы разрешают себе административное вмешательство в работу исполняющих органов, убивая инициативу и творчество последних [35].

Все это обуславливало высокие издержки, отрыв производства от интересов потребителя, низкую эффективность использования ресурсов, расточительство. Уже в 1925 г. появились признаки трудностей, обнаружился рост цен, недостаток ассортимента товаров на рынке. Рост производительности, достигнутый в 1922—1924 гг.,

в конце 1925 г. приостановился и даже пошел вспять. Если до 1925 г. действовал эффект восстановления промышленности, когда повышение загруженности производственных мощностей увеличивало производительность и снижало себестоимость, то по мере завершения восстановительного периода требовались новые факторы: технический прогресс, оптимизация организации производства, материальная заинтересованность, инициатива. Но эти факторы не были приведены в действие.

В результате с конца 1925 г. началось снижение производительности труда. Внешне это проявилось в динамике заработной платы: при постоянном повышении номинальной (в среднем на 2,8 % за квартал в 1925 г.) произошло падение реальной (на 3,1 %) [36]. Очередная кампания «за увеличение производительности труда» прошла под девизом «большая оплата за большее количество труда, за большее количество произведенных изделий». Многие рабочие были переведены на сдельную форму оплаты. Пересматривались нормы выработки, расценки, при распределении рабочих учитывались их способности. Кампания дала желаемый экономический эффект, однако сопровождалась моральными издержками: оскорбления, угрозы и избиение инженерно-технических работников, поскольку именно на них была возложена ответственность за проводимые мероприятия. Так отреагировали уже привыкшие к уравниловке рабочие на внедрение принципа эквивалентности между трудом и его денежным вознаграждением.

Нерациональное хозяйствование, обуславливая высокую себестоимость продукции, сужало реальный источник накоплений. Требовалась реорганизация управления, и ряд трестов в 1926 г. начал перевод своих предприятий на хозрасчет по собственной инициативе. Это ограничивало власть трестов, но вместе с тем било по иждивенческим потребностям нерентабельных производств, живущих за счет передовых хозяйств. Предприятия наделялись запланированными средствами, велся самостоятельный учет издержек производства. Однако планы согласовывались с трестами, последние и принимали решение о размерах и целевой направленности полученной предприятием прибыли. Такой хозрасчет носил однобокий, половинчатый характер.

Развитие даже такой ограниченной и противоречивой формы хозрасчета всячески тормозилось руководством ВСНХ. Принудительное установление цен при сохранении монополизации рынка, директивное определение номенклатуры продукции и издержек производства,

директивное распределение товарных масс — все это определило бюрократизацию рынка, а затем и бюрократизацию кредита. Процесс бюрократического окостенения оборота занял всего 4—5 лет и в 1929 г. почти завершился. В конце 1929 г. было принято решение о новой реорганизации, которое предусматривало превращение синдикатов в объединения и передачу им практического управления промышленностью. Тресты полностью утратили хозрасчетную самостоятельность. Так косная система подавила робкие попытки реформирования экономики.

* * *

НЭП, как во время его проведения, так и после вызывал много споров среди политиков и экономистов. Например, Б. Бруцкус считал его не этапом строительства социализма, а путем к капитализму и возвращением к здравому смыслу. С позиций сегодняшнего дня можно попытаться ответить, означала ли новая экономическая политика принципиальный отказ от марксистской доктрины регулирования общественного производства из единого центра.

Хотя на практике шел процесс восстановления рыночных отношений, идеологически компартия сохраняла верность традиционной безрыночной концепции социализма. Большинство считало, что рынок можно использовать только в переходной период. Однако за известным высказыванием В. Ленина о необходимости «коренной перемены всей точки зрения на социализм» могло скрываться не только требование момента, но и изменение взгляда на роль рынка в целом. Это положение в дальнейшем советскими экономистами и политиками интерпретировалось по-разному. Но не высказывалась мысль (которая, впрочем, и не могла высказываться в условиях тоталитаризма) о том, не пришел ли Ленин к выводу об утопичности научного социализма. Возможно, он и понял это, но выступить с прямо противоположными своим предыдущим взглядам высказываниями и тем более сформулировать эту концепцию не успел либо не посмел. Видимо, не случайно выдающийся английский экономист, наиболее значимый теоретик XX века Дж. Кейнс написал о Ленине в 1922 году: «Он слишком умен для того, чтобы верить в коммунизм».

Но партия и ее основное ядро во главе с И. Сталиным, отражая и опираясь на желания масс, ее темные инстинкты, осталась на своих традиционных позициях. Это привело к тому, что во второй половине 20-х годов усилилась тенденция к игнорированию законов

рынка. Пытаясь предотвратить такое развитие событий, один из ведущих экономистов Л. Юровский в конце 1926 г. предложил не рассматривать товарно-капиталистическое хозяйство как последнюю форму товарного производства, а поставить вслед за ней товарно-социалистическую форму. В 1926–1928 гг. И. Сталин и его окружение еще должны были хотя бы внешне считаться со своими временными союзниками Н. Бухариным, А. Рыковым, М. Томским, выступавшими в защиту хозрасчета и децентрализации управления. Поэтому реформа признавалась необходимой на словах, но срывалась на деле. Расправившись с «правыми» в руководстве партии, Сталин перешел в окончательное наступление на хозрасчет, на рыночное регулирование в целом. В конце 20-х годов НЭП был свернут и установилось по существу безрыночное хозяйство.

Период НЭПа показывает наиболее выпуклую, свободную и еще мало стесненную тоталитаризмом картину борьбы централистских и рыночных начал, когда еще не исчезли иллюзии возможности построения социализма путем разумного сочетания этих начал, когда еще существовали альтернативные варианты его построения. Но совершенно ясно, что никакой альтернативы не было, она и сегодня должна быть охарактеризована как иллюзорная. Собственно говоря, с этого времени и началась непрерывная борьба между «товарниками» и «нетоварниками», между рынком и планом, между сторонниками экономических реформ и их противниками, которая не прекращалась вплоть до развала СССР. Достаточно привести несколько заявлений Л. Троцкого на XII съезде партии, чтобы понять эту непрекращающуюся линию: «Мы вызвали в свет рыночного дьявола», или «Начинается эпоха роста капиталистической стихии. И кто знает, не придется ли еще нам в ближайшие годы каждую пядь нашей социалистической территории отстаивать зубами, когтями против центробежных тенденций частнокапиталистических сил?» [37] И если, отвлекаясь от реальной исторической картины, говорить о советском периоде в целом, то вся его суть состояла в борьбе естественных начал и пытающихся их деформировать рационалистических попыток построить социализм.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КЛАССИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА

На протяжении последующих 10 лет, вошедших в советскую историю как период индустриализации, искусственная конструкция, поддерживаемая «кнутом и пряником», расточительством людских сил и природных ресурсов, подавляла естественную эволюцию. Проявление же последней принимало в силу этого уродливые формы, которые, в свою очередь, дорого обходились обществу в материальном и моральном плане.

Победившая концепция построения социализма, положившая в основу господство общественной собственности во всех секторах экономики, сняла вопрос о значимости товарно-денежных отношений, и установила централизованное управление ею. Практическая экономическая политика в полной мере отвечала указанным представлениям. О достижениях национализации свидетельствуют следующие цифры: если в 1928 г. число лиц, занимающихся частной хозяйственной деятельностью с использованием наемного труда, составляло 4,6 %, то в течение следующих десяти лет доля несоциалистических форм собственности сократилась до практически незначимой величины, и в официальных документах не фиксировалась [38]. Огосударствление экономики осуществлялось, с одной стороны, как политическая акция, с другой — как экономическая стратегия, нацеленная на создание механизма, обеспечивающего регулирование общественного производства из единого центра.

Основным механизмом реализации централизованного руководства явилось директивное пятилетнее планирование. Оно выдавалось за преимущество социалистического способа хозяйствования. Однако в действительности введение директивности в экономике не ориентировалось на более эффективное решение хозяйственных задач, а с самых первых шагов выступало предпосылкой и инструментом политического произвола. Если же оценивать сугубо экономический аспект, то система планов лишь бесстрастно фиксировала неуправляемость экономического развития. Отчеты о выполнении пятилеток шли чаще всего в стоимостном выражении. Так как оптовые цены

стремительно росли, то официальные цифры выглядели благопристойно. Часто вместо натуральных показателей использовались проценты: сравнение шло с предыдущей пятилеткой, та в свою очередь сопоставлялась с еще более ранней, а потому разобраться, как реально обстоит дело, было практически невозможно.

Иллюзорность эффективности единого руководства отразилась уже в итогах первой пятилетки. Утвержденный вариант пятилетнего плана был выполнен лишь на 58 %. Темпы прироста 20 важнейших видов народнохозяйственной продукции были почти в 3 раза ниже, чем в предшествующий период 1922—1928 гг. При этом темпы упали не только по сравнению с восстановительным периодом (1921—1925 гг.), но и с этапом последующего, менее быстрого развития в 1926—1927 гг., то есть с периодом, когда еще пытались реально сочетать плановое начало с товарно-денежными отношениями. Официальные данные о выполнении первого пятилетнего плана не соответствовали действительности, фактический уровень национального дохода в 1932 г. был ниже объявленного не менее чем на 14 %. Так было положено начало дальнейшей фальсификации.

Все более неэффективным становилось начавшееся в 1926 году широкое капитальное строительство. В основе распределения капиталовложений лежал не экономический расчет, а тот же административный механизм. Ведомства стремились начать как можно больше строек, при этом запускаемые проекты не имели экономического обоснования, календарных планов, утвержденной технической документации. Не задумывались и об оптимальном размещении объектов. Закономерным следствием «ударности» явилось затягивание сроков строительства, замораживание и перерасход капитальных вложений. Высказывание директора строящегося в то время в Сибири гигантского Кузнецкого металлургического завода отражает всю мораль «социалистического накопления»: «Если вы спросите нас, сколько мы израсходовали денег — ответа не получите. Обычно мы руководствуемся формулой — строить во что бы ни стало и чего бы ни стоило» [39]. Даже несомненные успехи, связанные с созданием и развитием новых отраслей (автомобиле- и тракторостроение, химическая промышленность и т. д.), давались ценой колоссальных усилий, за счет хищнического разбазаривания национального богатства, путем усиливавшейся эксплуатации трудящихся, использования бесплатного труда постоянно возобновляемой армии миллионов репрессированных. Так проявлялся насиль-

ственный характер экономики, не способной функционировать без принудительности.

Но если первые шаги «классического» социализма оказались неутешительными в области промышленности, то настоящая катастрофа разразилась в сельском хозяйстве. Исходя из теоретических представлений о социализме, как бы разрешая споры 20-х гг., было провозглашено, что социалистическая экономика не может базироваться на двух типах собственности. Настал час коллективизации, означавшей по существу уничтожение всего класса трудового крестьянства. Союз рабочего класса с крестьянством, основанный на товарообмене и договорных отношениях, заменялся отношениями диктата и насилия. Внешние «успехи» коллективизации были впечатляющими. Если в 1927 г. процент коллективизированных дворов составлял лишь 0,8 %, то к 1937 г. он достиг 93,6 % [40]. Механизм «раскулачивания» работал в полную силу, ему подверглось более миллиона крестьянских хозяйств. Экспроприировались земля, орудия труда, денежные средства, домашнее имущество; семьи арестовывались, предавались суду, выселялись. В качестве ответной реакции в различных формах проходило «самораскулачивание». Забой скота, распродажа и дарение имущества явились средством выживания и избегания репрессий. Имущество «раскулаченных» передавалось колхозам, при этом с беспримерным цинизмом государство за него взяло с колхозов плату в сумме 400 млн рублей, больше, нежели весь сельхозналог 1928 года [41]. Такое варварское отношение к основной производительной силе не могло не сказаться на эффективности сельского хозяйства. По итогам первой пятилетки вместо 37 % прироста зерновых по отправному варианту плана и 45 % по оптимальному страна получила 4 % снижения производства. В животноводстве за 5 лет (1928—1933 гг.) поголовье крупного рогатого скота сократилось вдвое, в абсолютном выражении — на 33 млн голов (для сравнения: в годы Великой отечественной войны поголовье КРС сократилось на 7 млн голов).

Согласно введенной в 1933 году паспортной системе паспорта колхозникам не выдавались. Этим способом рабочая сила удерживалась в колхозах, что являлось абсолютно противоестественным с точки зрения социального равноправия в обществе. Такова уродливость «приложения социализма к земле». Статус колхозников не позволял уравнивать их с положением крепостных, ибо рабочая сила не могла быть проданной, подаренной и т. д. Однако в условиях внеэкономи-

ческой зависимости, отсутствия свободного перемещения их нельзя было считать и наемными работниками. Дисциплина труда в сельском хозяйстве обеспечивалась страхом наказания. Бесправие работников дополнялось бесправием самого руководства.

Положение усугублялось тем, что через низкие цены обязательных поставок, носивших по существу фискальный характер, через натуроплату и т. д. из сельского хозяйства выкачивались огромные средства. Это было продолжение и углубление провозглашенного лозунга «овладеть рынком», которое закончилось голодным геноцидом 1933 г. В результате голодомора 1932–1933 гг. погибли, по последним подсчетам, более 10 млн человек. Его размах и организация исключают допущение о том, что он имел сугубо экономические мотивы. У него было политическое обоснование: сломать и обескровить и крестьянство как класс, и наиболее опасные для диктатуры богатейшие регионы страны, возможную базу крестьянского сопротивления — Дон, Кубань, Сибирь и особенно Украину. Новый нажим на крестьянство, препятствующий его оттоку из колхозов, предстал в виде принятого в 1935 г. Примерного Устава сельскохозяйственной артели. В нем определялось, что вся земля, находящаяся в пользовании колхозов, закрепляется за ними навечно; тем самым подтверждалось отделение крестьян от переданной в колхозы земли.

Но самым парадоксальным явился процесс вытравливания рыночных, стоимостных отношений из денежной и кредитно-финансовой системы, в самом сохранении которой многие видели признак сохранения товарного производства при социализме¹. В денежной сфере было покончено с конвертируемостью советской валюты, еще недавно при НЭПе высоко котиравшейся на международном рынке. В 1926 году был запрещен ее вывоз за границу, через 2 года последовал запрет на ввоз. Так советская экономика была отрезана от мирового хозяйства. На тех же теоретических посылах строилась кредитная реформа 1930 года. Полагалось, что ликвидация многоукладности, отказ от НЭПа делают излишними товарно-денежные отношения, и напротив, вполне реальными кредитно-денежные. Купля-продажа между государственными предприятиями превращалась в плановое распределение, оплата товаров — в простую формальность, кредито-

¹ Российский философ М. Мамардашвили, размышляя о сущности денег при социализме, заметил, что главное состоит в осознании реального смысла употребляемых слов, ибо он совсем иной, чем на Западе (Мамардашвили М. Мысль под запретом // Вопросы философии. — 1992. — № 5. — С. 109).

вание предприятий — в разновидность планового финансирования. В таких условиях не оставалось места для взаимной задолженности предприятий (т. е. для коммерческого кредита), для внепланового перераспределения средств, для разделения собственных и кредитных ресурсов.

И все же на первых этапах своего функционирования социалистическая система демонстрировала способность к устойчиво быстрому экономическому росту. Несмотря на то, что первый пятилетний план (1928/1929—1932/1933 гг.) оказался недовыполненным практически по всем показателям, промышленность совершила огромный скачок. Были созданы новые отрасли — автомобильная, тракторная, химическая и др., освоены многие технологии. Так, в течение первой пятилетки был налажен выпуск синтетического каучука, мотоциклов, наручных часов, фотоаппаратов, экскаваторов, высокомарочного цемента и высококачественных сортов стали. Был заложен фундамент для советской науки. Стала масштабно перевооружаться армия: оборонные расходы выросли до 10,8 % бюджета [42].

За две предвоенные пятилетки было создано ядро индустриальной мощи страны, к 1940 г. введено в действие около 9 тыс. новых заводов. Главными новостройками стали: Днепрогэс; Сталинградский, Харьковский и Челябинский тракторные заводы; Криворожский, Магнитогорский, Кузнецкий, Липецкий, Челябинский, Норильский металлургические комбинаты; автомобильные заводы в Москве и Нижнем Новгороде; Уралмаш, Уралвагонзавод, каналы Москва — Волга, Беломоро-Балтийский и др. Уже в 1932 г. СССР отказался от ввоза тракторов из-за границы, а в 1934 г. на Кировском заводе (г. Ленинград) была запущена линия по выпуску пропашного трактора «Универсал», который стал первым экспортируемым отечественным трактором. Всего за десять предвоенных лет было выпущено около 700 тыс. тракторов (40 % мирового выпуска) [43].

Ускоренное развитие тяжелой промышленности позволило получать около 4,6 % ежегодного прироста ВВП в течение 1928—1940 гг. [44]¹. Промышленное производство в период 1928—1937 гг. выросло в 2,5—3,5 раза, его прирост составил от 10,5 % до 16 % в год [45], а ежегодный прирост продукции машиностроения достиг в среднем 27,4 % [46]. К концу второй пятилетки по объему промышленной продукции СССР занял второе место в мире, уступая лишь

¹ Согласно подсчетам ЦРУ, среднегодовые темпы прироста ВВП в эти годы составили 6,1 % (См.: Роговин В. Мировая революция и мировая война. Гл. 1).

США. Резко снизился импорт, что позволило стать стране экономически независимой. Была создана вторая угольно-металлургическая база на востоке страны, которая смогла почти полностью заменить в годы войны временно утраченную на оккупированной территории. Были промышленно освоены удаленные районы и национальные окраины, изменилась социальная структура и демографическая ситуация. Резко возросло число рабочих и инженерно-технической интеллигенции, удельный вес городского населения составил 40 %. Была ликвидирована открытая безработица, занятость увеличилась с одной трети населения в 1928 году до 45 % в 1940 году, что обеспечило около половины роста ВВП [47]. За период 1928—1937 гг. вузы и техникумы подготовили около 2 млн специалистов.

Энтузиазм и моральный подъем масс не допускали сомнения в правильности выбранного пути. С 1929 г. развивается массовое социалистическое соревнование, движение — «пятилетку в 4 года». С 1935 г. основной формой социалистического соревнования становится «стахановское движение»¹. Такой народный сверхплановый накал вызывал восхищение не только сторонников, но и противников, даже врагов. Так, А. Гитлер говорил: «Мы должны восхищаться Сталиным, он знает, как собрать страну в кулак. И лучше его пятилетних планов только наши, четырехлетние...» [48] И, конечно, умалчивалось, что средства для индустриального развития брались путем ограбления загнанного в колхозы крестьянства, принудительных займов, расширения продажи водки, вывоза за границу хлеба, нефти, леса. Эксплуатация рабочего класса посредством высочайшей интенсивности труда и работы в сверхурочное время достигла невиданного уровня. В социалистическое строительство была вовлечена огромная армия заключенных ГУЛАГа. Ценой огромного напряжения сил, жертв, хищнической растраты природных ресурсов страна вышла на индустриальный путь развития.

Построение советской промышленности за счет безмерного расширения экстенсивных факторов и прямого уничтожения крестьянства привело к созданию такой социально-экономической структуры, где за общими валовыми показателями роста стояли глубокие диспропорции: между промышленностью и сельским хозяйством, группами А и Б промышленности и, наконец, финансовые. Это проявилось в итогах III пятилетки. Вместо запланированных среднегодо-

¹ Знаменитое стахановское движение названо в честь рабочего, сумевшего за одну смену выполнить 14,5 нормы.

вых темпов прироста национального дохода 12,6 % фактически за период 1938—1940 гг. они составили 9,4 %. Реальный рост производства в третьей пятилетке оказался не только ниже плановых заданий, но и существенно ниже темпов предшествующей второй пятилетки [49].

Рост себестоимости, безразличие к качеству продукции, медленный оборот вложенных средств, излишек материальных запасов в промышленности в условиях общего дефицита товаров как потребительского, так и производственного назначения стали закономерным следствием административного управления экономикой. Всякого рода кампании (за рационализацию, за научную организацию труда, за экономию, стахановское движение и т. д.) неизбежно упирались в пороки хозяйственного механизма. Для тех лет характерны удивительные перепады: сообщения об успехах чередуются с констатированием срывов и расхищений. Однако верность принятой концепции не подвергалась сомнению. Существование объективных противоречий начисто отвергалось, недостатки хозяйственного механизма не обсуждались, во всех неудачах, провалах оказывался виноват хозяйственник, бюрократ, «вредитель».

Тем не менее, в 30-е годы фактически состоялась перестройка производственных отношений в СССР. Именно тогда была создана система управления и планирования, предназначенная для регулирования общественного производства из единого государственного центра. Главной формой хозяйственных отношений являлись вертикальные связи с вышестоящими органами управления, непосредственно выступавшими от имени всего государства. В целом ведомственная структура управления служила достаточно надежным средством прямого распределения и перераспределения в соответствии с целями экономической и социальной политики результатов прибавочного и в значительной степени необходимого труда, аккумулируемых в общегосударственных фондах через систему финансов и цен. Централизованное управление и планирование основательно укрепились и предопределило дальнейшее развитие советской экономики.

ОБОСТРЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ХОЗЯЙСТВА

Сложившаяся система функционировала главным образом за счет использования экстенсивных факторов, об их постепенном исчерпании свидетельствует следующая динамика. В послевоенной IV пятилетке (1946–1950 гг.) среднегодовой прирост национального дохода составил 14,9 %, по существу это было восстановление разрушенной за время войны индустриальной базы производства. Среднегодовой темп прироста производства основных видов продукции при плане 26,6 % составил фактически 23,3 %. Восстановленный тот же хозяйственный механизм воспроизвел диспропорции 30-х гг., что, в свою очередь, уже с V пятилетки (1951–1955 гг.) возродило тенденцию замедления экономического роста. В VI пятилетке (1956–1960 гг.) при планируемых темпах прироста основных видов продукции 15,3 % фактически было получено 11,4 %, в VII пятилетке (1961–1965 гг.) — при снижении планового прироста до 11,6 % было получено лишь 8,7 %, т. е. выполнение плана составило 75 % [50].

Но главное и опасное состояло в том, что если падение темпов первоначально в относительном выражении как бы перекрывалось увеличением абсолютных размеров прироста национального дохода за счет «утяжеления» каждого процента прироста, то уже к концу 50-х — началу 60-х гг. прекратилось увеличение и абсолютных размеров. Внешним проявлением осознания этой опасности явилась замена 5-летнего плана 7-летним, т. е. была предпринята попытка уйти от подведения итогов шестой пятилетки и перекрыть явно вызревающие срывы новыми плановыми заданиями.

Показательно то, что анализируя причины наблюдаемой динамики, экономическая наука уже с этого времени все более прочно утверждает позицию, согласно которой централизованное управление народным хозяйством имеет свои пределы. Как следствие, с конца 50-х годов в СССР и других странах, воспроизведших советскую систему хозяйства, делается вынужденная попытка разработать комплекс мер, направленных на ослабление директивного управления со стороны центра и развитие экономической самостоятельности

предприятий. Наиболее грубые методы прямого централизованного руководства пришлось признать неприемлемыми. Это был самый первый шаг, первая «оттепель». Ослабление насильственных рычагов поставило на повестку дня вопрос о совершенствовании механизмов хозяйствования.

Первая из реформ — реформа 1957 года — была прежде всего реформой управления и с самого начала носила ограниченный характер. Она являлась сугубо административной, не вносила качественных изменений в условия хозяйствования, планирования, управления производственной деятельностью предприятий. Весь предшествующий опыт и исходная, официально принятая идеология исключали в тот период самую постановку вопроса о расширении экономической самостоятельности основного производственного звена. Хозяйственная реформа 1957 года не только воспроизвела сложившийся и ранее отработанный административный механизм, но и усилила все его качественные параметры: адресное директивное планирование, фондирование материально-технических ресурсов и их централизованное распределение, административное (внедоговорное) прикрепление производителей и потребителей, административное ценообразование, бюджетное финансирование как текущей деятельности промышленных предприятий, так и процесса воспроизводства их основных фондов.

И все же главной заслугой реформы 1957 года было то, что она впервые покусилась на бывшие до того времени непререкаемыми власть и авторитет отраслевых административных органов, поставила под сомнение необходимость существования отраслевых промышленных министерств. Имея в виду децентрализацию управления производственной и хозяйственной деятельностью, функции оперативного руководства промышленными предприятиями перемещались на уровень специально образуемой управленческой надстройки в лице советов народного хозяйства. Соответственно предприятия, находившиеся в ведении упраздняемых отраслевых министерств, были переданы в непосредственное подчинение совнархозов административных экономических районов. В результате произошла не столько децентрализация функций управления (она в скором времени была компенсирована возникновением противоположных процессов вертикальной централизации), сколько фактическая дезинтеграция и частичная переориентация хозяйственных связей предприятий, выразившаяся в некотором ослаблении их зависимо-

сти от экономического центра. В то же время формальное расширение возможностей межотраслевой специализации и кооперации в рамках экономических районов наглядно обнаруживало отсутствие адекватного хозяйственного механизма на уровне основного производственного звена. Деление отрасли по территориальному принципу усиливало организационную и планово-экономическую неупорядоченность хозяйственных взаимосвязей. Для координации деятельности предприятий в отраслевом планировании и научно-техническом развитии формировались дополнительные звенья управления в виде отраслевых и производственных государственных комитетов. Это привело к разрастанию бюрократического аппарата, существенным образом затруднило выполнение управленческих и хозяйственных задач. Таковы некоторые условия, в которых потребности преобразования хозяйственного механизма, включая расширение хозяйственной самостоятельности предприятий, начали, наконец, осознаваться как насущная необходимость.

В противовес реформе 1957 года реформа 1965 года с самого начала затрагивала значительно более широкий круг хозяйственных (организационно-структурных, планово-экономических, кредитно-финансовых и т. д.) проблем. Причем эффективное функционирование народного хозяйства, его единство и целостность предполагалось обеспечить путем сочетания директивного централизованного планирования с расширением оперативно-хозяйственной самостоятельности производственных звеньев, с ориентацией на развертывание товарно-денежных отношений. Не подрывая устоев системы, реформа была направлена на ограничение использования внеэкономических рычагов как единственно возможных, приведение в действие вместо них экономических пружин, — иными словами, создание оптимального (применительно к конкретным историческим условиям) синтеза административных и экономических методов государственного хозяйствования. В качестве экономической пружины выдвигался принцип хозяйственного расчета, на основе которого организовывалась производственная и коммерческая деятельность предприятий.

Важное значение в реформе 1965 года придавалось вновь восстанавливаемым ведомственно-отраслевым организационным структурам, им отводилась новая роль в решении глобальных задач. Отходя от текущего контроля, они должны были сосредоточиться на узловых, перспективных проблемах развития отраслевых комплексов и

межотраслевом взаимодействии с тем, чтобы обеспечить приемлемый баланс между централизмом и самостоятельностью, директивным характером планово-управленческих решений и договорным принципом хозрасчетной деятельности.

Предусматривалось также усиление роли стоимостных регуляторов в формировании пропорций и поддержании эффективной сбалансированности общественного воспроизводства. Предполагалось, что повышение роли цен, прибыли, кредита и других стоимостных категорий при одновременном сокращении числа директивных показателей и плановых заданий должно способствовать повышению эффективности производства, превращению хозяйственного расчета в реально действующий механизм соотношения индивидуальных издержек производства и общественно необходимых затрат.

Но опять-таки, в силу сопротивления системы реформа получила половинчатый характер. Попытки реорганизации были предприняты только в промышленности и в сельском хозяйстве. Они не касались финансов, торговли, строительства, снабжения, отраслевых министерств, территориальных органов. Иными словами, реформа была узкой и поверхностной, не охватывала хозяйство целиком. В действительности развитие экономических методов регулирования происходило лишь в той мере и постольку, в какой и поскольку это отвечало интересам гигантских отраслевых производственных корпораций, возглавляемых соответствующим министерством или ведомством.

Но даже в режиме такого неблагоприятствования реформа дала ценнейший опыт. Были получены важные результаты, прежде всего — некоторое ускорение в развитии. Восьмая пятилетка (1966—1970 гг.) по многим показателям была лучше предыдущей. Увеличились темпы роста: использованного национального дохода с 32 % до 41 %, производительности труда в промышленности с 25 % до 32 %, реальных доходов на душу населения с 19 % до 33 %. Стоило системе чуть ослабить вожжи централизованного руководства, как со всей очевидностью проявилась прогрессивность товарно-денежных отношений.

Тем не менее, реформа потерпела крушение. Причина неудачи была в том, что целостный организм, функционирующий как единая система, отверг не вписывающиеся в его механизм принципы. Иначе и не могло быть, поскольку применение экономических методов, как это уже было в истории, осуществлялось сверху, директивно-

централистским порядком и не без помощи все тех же испытанных мер административного воздействия. Правда, требования полного хозяйственного расчета, самофинансирования производства, развития оптовой торговли средствами производства звучали, но остались нереализованными. Вместо предполагавшегося постепенного сокращения обязательных к исполнению плановых показателей и адресных заданий последовало их расширение, причем инициатива исходила не только из высших эшелонов власти, но и в значительной степени из самих отраслевых министерств и ведомств. Последние были нацелены на первоочередную реализацию кровных отраслевых, корпоративных интересов независимо, а зачастую и в ущерб народнохозяйственной эффективности принимаемых решений. Эпизодически предпринимавшиеся попытки ограничить ведомственность успеха не имели.

В ходе реформы проявились следующие тенденции. Во-первых, промышленные предприятия стали гораздо более самостоятельными, хотя и в жестких экономических границах. Во-вторых, отраслевое ведомственное руководство чем дальше, тем больше подтачивало прерогативы экономического центра. Система стала давать трещины, и обнаружился парадокс: надежно отлаженный и тщательно оберегаемый механизм ведомственного управления закладывал материальные предпосылки (рост концентрации производства, вовлечение в хозяйственный оборот новых производственных ресурсов, мобилизация рабочей силы, углубление общественного разделения труда и т. д.) для последующего освобождения ведомств и вслед за ними предприятий от единого центра. Положение ведомств оказалось внутренне противоречивым, двойственным: с одной стороны они были призваны обеспечить успешное выполнение общегосударственных задач, с другой — стремились создать наиболее благоприятные материальные и финансовые условия для функционирования «своих» предприятий за счет средств и ресурсов, поступающих из народнохозяйственного кругооборота. Так очень своеобразно на верхних эшелонах в сопряжении крупнейших ведомств формировалась экономическая обособленность, неотъемлемый элемент всякого товарного производства. Можно с достаточным основанием считать, что она и стала фундаментом возникновения и сегодняшней борьбы таких гигантов, как «Укрнефтегаз», «Газпром», РАО АС, «Укртелеком» и других.

Обе реформы, 1957 и 1965 годов, в действительности, несмотря на внешнюю прогрессивность, преследовали одну-единственную

цель — создание экономического механизма, обеспечивающего стройное функционирование все той же системы. Внешнее ослабление централизма должно было придать ей устойчивость, усилить ее. В целом это свидетельствовало как раз не о силе, а о нарастающей слабости центральных органов власти и управления. Робкие попытки как-то реанимировать товарно-денежные отношения заведомо были обречены на неудачу, поскольку уже окончательно сформировавшаяся и закостеневшая социалистическая система не поддавалась реформированию. Эту принципиальную невосприимчивость социалистической системы к усовершенствованию Я. Корнаи характеризует следующим образом: «Сталинский классический социализм репрессивен и неэффективен, но представляет собой целостную систему. Когда он подвергается реформированию, целостность нарушается, а внутренние противоречия усиливаются. Реформирование, несмотря на серию положительных изменений, обречено на неудачу: социалистическая система неспособна обновить себя изнутри настолько, чтобы доказать жизнеспособность в долгосрочной перспективе» [51].

В это же время вызревали более глубинные, более сложные для системы противоречия. При отсутствии свободного ценообразования государство административно выводило цены в прямой зависимости от фактически сложившегося и постоянного растущего уровня производственных затрат. Поскольку динамика производства не совпадала с общественными потребностями, появились инфляционные тенденции в экономике. Политика административного повышения цен, удерживая инфляцию в подавленном состоянии, не затрагивала ее фундаментальные основы — деформацию денежного обращения и инфляционное неравновесие рынков. Официальному сектору народного хозяйства сопутствовал хронический товарный голод. Происходило постоянное перекачивание товарной массы в теневой сектор, где цены уравнивали предложение с инфляционным спросом. Любые попытки закрыть теневую экономику с помощью административных мер оказывались несостоятельными.

Подавленная инфляция лишала изготовителей ценовых стимулов, становилась фактором сокращения предложения и инвестирования. Единовременные пересмотры цен не могли создать устойчивых стимулов для увеличения производства. Так, повышение розничных цен в 1962 году на основные продовольственные товары не ликвидировало разрыва между спросом и предложением. После реформы

товарный дефицит стал разрастаться, соответственно увеличивались размеры дотации: с 3,6 миллиарда рублей в 1965 г. до более чем 100 миллиардов рублей к началу 90-х гг. Таким стал результат подмены рыночного ценообразования пересмотром структуры цен без изменения механизма, остававшегося по-прежнему административным инструментом.

Уже на рубеже 60–70-х гг. был взят курс на сворачивание реформ. В результате возобновилось падение темпов экономического роста, и к концу 70-х — началу 80-х годов страна оказалась в глубоком экономическом кризисе. О результатах выполнения плана по темпам прироста основных видов продукции на протяжении всех послевоенных пятилеток свидетельствует следующая таблица:

Среднегодовой темп прироста производства основных видов продукции [52]

Годы	план	факт	% выполнения
IV пятилетка (1946–1950)	26,6	23,3	88
VI пятилетка (1956–1960)	15,3	11,4	74
VII пятилетка (1961–1965)	11,6	8,7	75
VIII пятилетка (1966–1970)	9,1	5,8	64
IX пятилетка (1971–1975)	6,5	4,6	70
X пятилетка (1976–1980)	4,5	2,5	55
1982 г.	3,2	1,3	41

За три последние пятилетки темпы роста национального дохода замедлились в 2,5 раза и стали практически нулевыми в 1979–1983 годах. Причем и нулевыми они были лишь с учетом поступлений от экспорта энергоносителей, без них реальная величина национального дохода на душу населения сокращалась. По уровню производства ВВП на душу населения СССР к концу своего существования отставал от развитых стран более чем в 10 раз [53]. Объемы незавершенного строительства в последней пятилетке увеличились на 30 млрд рублей и достигли 150 млрд рублей. С начала 70-х годов потребности страны в товарном зерне примерно наполовину покрывались за счет зарубежных закупок. Оплата за импорт, в числе которых были также

предметы ширпотреба и современное оборудование, производилась валютой, половину которой давали два товара — нефть и газ.

В значительной мере рост удельных затрат был обусловлен гипертрофией военно-промышленного комплекса. Втягивая в свой «черный ящик» отборный интеллектуальный потенциал страны, лучшие материальные ресурсы, ВПК обрекал остальные отрасли на научно-техническое отставание и даже застой. В 1990 г. была оглашена действительная годовая сумма советских военных расходов — 200 млрд рублей. Почти каждый третий рубль национального дохода страны уходил на оборону, что исключало какое-либо оздоровление экономики.

В развитых странах активную часть основных производственных фондов обновляют раз в семь-десять лет, у нас этот период составлял 20—25 лет, причем новая техника зачастую мало отличалась от старой. Затухающий процесс обновления и модернизации пытались удерживать за счет перераспределения в инвестиционные фонды средств, предназначавшихся на социальные цели. Положение в промышленности от этого не улучшилось, но зато накопился груз социальных проблем.

В СССР доля национального совокупного продукта, идущего на оплату рабочей силы, составляла около 35 %, то есть примерно вдвое меньше, чем в развитых странах. Низкий потребительский спрос обуславливал ущербное положение II подразделения. Действительные структурные подвижки можно выразить в следующих цифрах: из каждой сотни капиталовложений по стране в развитие производства потребительских товаров (группу Б) в предвоенном 1940 году было направлено 5,8 рубля, в застойном 1970 — 5,3 рубля, в перестроечном 1985 — 4,4 рубля. Если капитальные вложения в комплекс отраслей, в той или иной мере связанных с жизнедеятельностью человека, составляли в 1940 г. 71,0 % всех инвестиций, то в 1986 г. они составили 64,1 % [54]. Сфера услуг в общем объеме валового национального продукта занимала всего 20 %. Произошло беспрецедентное в мирное время относительное сокращение расходов на образование, здравоохранение, культуру.

Страна столкнулась с наихудшим финалом: падением эффективности всего общественного производства. Производительность труда в СССР составляла в 1970-х гг. примерно 40 % от производительности США, в том числе в промышленности — около 55 %, в строительстве — немногим более 65 %, в сельском хозяйстве — около 20 %

[55]. В результате произошло ослабление экономических позиций на мировой арене, что демонстрировало проигрыш социализма перед капитализмом. Таким образом, период реформ, казавшийся тогда попытками совершенствования системы, сегодня совершенно объективно должен быть оценен как обострение ее противоречий. Стало очевидно, что голое директивное планирование не способно решить всех народнохозяйственных проблем. Понимание неизбежности перемен выразилось в коренном повороте к товарно-денежным отношениям. Так вошла в общественное сознание идея перестройки, ставшей последним этапом гибели системы.

ОБРЕЧЕННАЯ ПЕРЕСТРОЙКА

История перестройки отражает медленное продвижение мысли к идее рыночной экономики. Социальные науки нелегко отказывались от навязанной десятилетиями идеологии. Мало кто в действительности представлял масштаб и глубину грядущих изменений, хотя учитывая структурные деформации в национальном хозяйстве можно было предвидеть всю тяжесть социально-экономических последствий. Но никто ни у нас, ни на Западе не предполагал, что такой достаточно робкий, несмелый на первых порах поворот к цивилизованному рынку, ориентация на свободные товарно-денежные отношения и демократию вызовут «джинна из бутылки», приведут к острым экономическим, политическим, социальным конфликтам. Конкретной картине экономических метаний и шатаний первых лет перестройки посвящено огромное количество литературы. Приведенных в ней, а также в настоящем исследовании фактов вполне достаточно, чтобы сформулировать главный итог перестройки. В самом общем виде он состоит в следующем. Исчерпавшая себя система впервые после НЭПа действительно выпустила на волю товарно-денежные отношения. Но поскольку она продолжала существовать, реальным результатом мог быть только экономический хаос, повлекший за собой экономическое и политическое безвластие, а затем и развал крупнейшего в мире тоталитарного государства. Окончательным завершением этапа стал полный крах социалистического эксперимента.

Началом перестройки принято считать апрель 1985 года. Были провозглашены новые ориентиры: общечеловеческие ценности, политические свободы, парламентская демократия. Слабое представление о том, что в действительности надо делать, порождало альтернативные варианты. Например, были выдвинуты без весомого экономического обоснования два приоритета — развитие машиностроения для вывода экономики на мировой научно-технический уровень, и увеличение доли потребительского сектора для усиления социальной направленности. Их одновременное осуществление было практически невыполнимо, и тем не менее оба направления провозглашались основными. Основной задачей было обозначено

преодоление отсталости, особенно в научно-техническом прогрессе. Поэтому ключевым стало техническое перевооружение народного хозяйства. Вся вновь осваиваемая техника по производительности и надежности должна была в 1,5 раза превосходить выпускавшуюся ранее. Таких прорывов мировая практика не знала. Под программу требовались огромные инвестиции. Чтобы их обеспечить, пришлось увеличить и без того неподъемную долю накопления в использованном национальном доходе, сократив соответственно долю потребления. Наряду с предложенным проектом, и в абсолютном противоречии с ним, намечалось обеспечить работнику нормальный по мировым меркам уровень жизни. Программа в очередной раз демонстрировала свойственное прожектерам стремление единым махом обскать разумный ход развития цивилизации.

Кроме того, в силу инертности нашей теории, незнания иных, нецентрализованных механизмов управления, в силу того, что костяк перестроечного правительства составляла все та же коммунистическая номенклатура, поставленные задачи пытались решать старыми директивными методами. Объявив о революционном характере перемен, сами реформаторы не вполне осознавали, сколь радикальной должна быть революция. А предстояло избавиться — ни много ни мало — от административно-командного управления, единственно признаваемого системой, то есть от ее несущей конструкции. Однако первые два года ушли в основном на попытки переломить негативные тенденции старыми методами, хотя становилось ясно, что в рамках системы этих проблем не решить, ибо они — ее врожденный порок.

В ходе перестройки проявились парадоксальные тенденции: с одной стороны, продолжался административный нажим из центра в виде законов, указов, распоряжений; с другой — центр пытался отказаться от прямых методов управления текущими делами. Периферия, рассматривая такое отношение центра как расширение своих прав, не спешила в свою очередь передавать права низовым звеньям, демонстрируя тем самым отсутствие стремления к изменениям, намеченным перестройкой. Ослабление давления сверху позволило региональным звеньям блокировать нежелательные для себя реформы.

В этой ситуации достаточно скоро созрело понимание необходимости радикальных экономических преобразований, которые мыслились, однако, только как расширение самостоятельности предприятий, производственной демократии и самоуправления, сочетания опять-таки плана и рынка, то есть в рамках некой промежуточной

модели, без глубоких преобразований отношений собственности и политической системы. Главное упущение состояло в том, что так и не была достигнута прямая ответственность товаропроизводителя перед покупателем, не появились механизмы, определяющие конкурентоспособность продукции. Такая модель не имела целостности и не могла работать эффективно.

Практическая реализация модели выразилась в новых установках: формирование заводских планов по заказам покупателей, переход к оптовой торговле средствами производства, самофинансирование, некоторая свобода ценообразования и самостоятельность в использовании располагаемого дохода. Перевод на самофинансирование требовал эффективного хозяйствования и равных требований ко всем предприятиям со стороны государства. На самом деле продолжалась дотация убыточных предприятий за счет перераспределения прибыли в их пользу.

Попытка совместить несовместимое проявилась и в политике нормативов. Еще в начале пятилетки каждому предприятию было утверждено плановое задание, где определялся фонд поощрения и ежегодная прибыль. Однако в условиях действующих планов предприятиям было позволено перейти на новую систему нормативов, не стыкующуюся с плановой. Обходным путем стала индивидуализация нормативов и подгон их под заранее утвержденные цифры.

В 1988 году был принят Закон о государственном предприятии, вызвавший немало проблем. Сразу выявились слабые стороны выборности директоров. Снизилась сила административных команд, которую по идее должны были заменить экономические стимулы. Согласно закону, предприятия должны были сами искать реальные заказы. Для этого необходима была принципиально иная экономическая среда, свободное ценообразование и рыночная конкуренция, но постоянное наращивание денежной массы в экономике дезориентировало производителя. В жестком режиме самофинансирования предприятия самостоятельно не смогли набрать и четверти производственной программы. Поэтому хоть новые принципы формально не отменялись, на практике руководство осуществлялось директивами сверху.

Но реформа была игнорирована не полностью. Продолжало действовать правило, согласно которому предприятия имели право увеличивать денежные выплаты работникам, если растет стоимостной объем производства. Фонды стимулирования тоже привязывались к

стоимостным показателям, источником пополнения фондов служила прибыль. Поскольку директивные планы сохранялись, конкурентоспособность продукции значения не имела. Интерес предприятий свелся к наращиванию производства в рублях, а не в реальных объемах. Самый легкий и доступный путь к этому — поднимать цены на изделия. Обойти установленную цифру было нетрудно: достаточно, например, модернизировать изделие на копейки, чтобы цена удвоилась. Рост национального дохода в 1988 году на 25 млрд руб. по сравнению с 21 млрд руб. за два предыдущих года на самом деле был дутым, представлял собой не более чем ценовые накрутки.

Отсутствие приращения стоимости в сфере производства приводило в расстройство финансовую систему, из-за необеспеченности товарной массой деньги обесценивались. К усиливающейся инфляции спроса, проявляющейся в открытом повышении цен и сопровождаемой снижением качества, сужением ассортимента товаров, добавилась инфляция издержек, при которой рост производственных затрат, в том числе заработной платы, перекладывался на потребителя. Инфляционная спираль раскручивалась все больше. Потребительский рынок, где товаров не прибавилось, был фактически раздавлен лавиной фантомных денег.

Еще одним шлюзом для утечки скудеющих ресурсов стало самофинансирование. За счет вздувания оптовых цен предприятия резко увеличили свои накопления в фонде соцкультбыта, а также в фонде развития производства и новой техники. Когда пустые деньги обрушились на безналичный оптовый рынок, они раздавили его так же, как бумажные — потребительский. Политика повышения цен завершила разгром оптовой торговли, поскольку она побуждала предприятия запасать сырье, материалы, оборудование впрок и придерживать собственную продукцию.

Увеличение доходов в кооперативах повлекло за собой требования увеличения зарплаты шахтерам, к ним присоединилась бюджетная сфера. Государство вынуждено было на эти требования реагировать. Был избран самый простой вариант — денежная эмиссия. Ее темпы периода перестройки потрясающи: в первой половине 80-х годов в обращение добавляли по 3—4 миллиарда рублей ежегодно, в 1988 году прирост достиг 11,5 миллиардов, что дважды превысило эмиссию 1987 года. В 1989 году эта цифра составила 18 млрд руб., а в 1990 году — не менее 25 млрд руб. Такой порчи рубля не наблюдалось с военных времен.

Денежная политика того периода была типично кейнсианской, однако условия, в которых она проводилась, не соответствовали западному аналогу. Кейнсианская теория допускает денежную эмиссию и наращивание бюджетного дефицита для стимулирования недостаточного совокупного спроса. У нас не было недостатка в потребительском спросе, однако сокращалось производство, при котором инвестиционный компонент спроса становится непривлекательным. Избыток денег опасен даже в условиях рыночной конкуренции и изобилия товаров, при больших резервах мощностей и рабочей силы. В условиях дефицитной экономики и монополизированного рынка закономерным следствием стал безудержный рост цен и свертывание производства. Уже в 1990 году произошло абсолютное падение его объемов. В первую очередь спад коснулся базовых отраслей. Только за 1989–1990 гг. объем добычи угля (без учета забастовок) сократился на 69 млн тонн, нефти — на 53 млн тонн, заготовка леса — на 50 млн кубометров. В 1991 году спад производства охватил все отрасли. Но страна продолжала движение по экстенсивному пути, наращивание объемов шло за счет вовлечения все новых ресурсов, проедания природных богатств. Ресурсы перераспределились снова в пользу сырьевых отраслей, ускорения НТП не получилось. Производительность труда падала, фондоотдача снижалась, материало- и энергоемкость повышалась. Недоинвестирование в действительно необходимые отрасли ускоряло физический износ оборудования, вело к сокращению производственных мощностей. Таким образом, падение производства было вызвано не структурной перестройкой народного хозяйства, которая фактически еще не произошла, а только разрывом хозяйственных связей предприятий, сломом старых стимулов при отсутствии новых, непомерными ценами и налогами, элементарной дезорганизацией на всех уровнях. При этом пятилетний план продолжал оставаться лобовой броней механизма торможения, хотя реальность показывала невозможность одновременного выполнения плановых заданий и проведения экономических реформ.

Народное хозяйство так и не смогло переориентироваться на нужды потребителя. Доля предметов потребления в общем объеме промышленной продукции составляла уже менее одной трети. К концу перестроечного периода удельный вес группы Б уменьшился до 4,1 рубля из сотни. Сфера услуг в общем объеме валового национального продукта занимала всего 20 %. В 1990 году стала фактом массовая без-

работица, пока еще завуалированная в неоплачиваемые отпуска. По уровню жизни СССР в конце 80-х годов оказался на 45 месте в мире.

При этом сохранялась непомерно большая доля военно-промышленного комплекса. По проекту союзного бюджета, с учетом скрытых статей расходы на оборону в 1991 году должны были составить 132 млрд руб. при запланированном бюджете около 270 млрд руб. Таким образом, половина бюджетных средств расходовалась на оборону, что превышало предельно допустимую величину даже в военные времена.

Все это сказалось на важнейшем макроэкономическом показателе — национальном доходе. За 1989—1990 гг. он уменьшился примерно на 10 %. Экономика СССР все более переставала отвечать современным критериям конкурентоспособности. По оценкам экспертов, в конце 80-х годов приблизительно 4/5 продукции СССР не могло конкурировать на мировых рынках. В 1991 году доля СССР в мировом экспорте составила всего 2,2 %¹. За 1986—1990 годы мировой экспорт машин и оборудования повысился более чем на 50 %, а в СССР только на 11 % (при этом не более 14 % экспорта данной группы товаров отвечало международным стандартам). Свыше 60 % произведенной в СССР продукции продавалось с убытками; с середины 80-х гг. цена продажи одной лицензии была в 5 раз ниже ее действительной цены. На начало 90-х гг. мировому уровню отвечали лишь 6—10 % НИОКР, 18 % продукции черной металлургии, 16 % — цветной металлургии, 10—15 % сельскохозяйственной техники [56]. Доля советской продукции, которая могла бы конкурировать на мировых рынках при условии ее модернизации, сократилась за 1986—1991 гг. с 65,3 % до 26,3 %, а доля продукции, которая должна быть снята с производства, увеличилась с 20 % до 60 %.

Снизилось производство и в сельском хозяйстве, на миллионы гектаров сократились посевные площади зерновых, в упадок приходило животноводство. В 1991 году произошло сокращение производства мясо-молочной продукции на 15—17 %. Как следствие, сократилось производство продуктов питания. Повышение осенью 1991 года в полтора раза закупочных цен на зерно не привело к улучшению продовольственной ситуации. Наоборот, колхозы и совхозы сократили поставки на 15 млн тонн. Получив благодаря новым ценам повышенные денежные доходы, они предпочли значительную часть

¹ Для сравнения: доля Гонконга в мировом экспорте в тот же период составляла 2,8 %, Нидерландов — 3,8 %.

зерна реализовывать на свободном рынке по ценам, в 3—4 раза превышающим государственные. Широко распространился бартерный обмен на сельхозпродукцию дефицитных стройматериалов и запчастей. Так вполне закономерно повели себя хозяйственники в условиях инфляции и дефицита. В аграрной сфере стало складываться ценовое несоответствие между сельскохозяйственной и промышленной продукцией. В 1991 году ценовой паритет окончательно разрушился, дополнительное удорожание поставленных селу за год материально-технических средств составило 80 млрд руб. Это было первое следствие осуществленного отпуска цен.

На протяжении всей перестроечной эпохи непрерывно рос бюджетный дефицит. В 1985 году государственный внутренний долг составил около 142 млрд руб. (для сравнения: в 1970 году — 40 млрд руб.), на конец 1990 года превысил 400 млрд руб., а на начало 1991 года — 540 млрд руб. Помимо этого, антиалкогольная кампания обошлась в целом уменьшением выручки государства в 200 млрд руб. Если в 1990 году у страны еще был бюджет, по традиции недостоверный с массой скрытых статей и арифметических подтасовок, но им все же руководствовались, то в 1991 году страна уже фактически жила без бюджета. Финансовая система практически развалилась.

Угасли надежды на поддержку потребительского рынка импортом. К тому же объем добычи нефти и других энергоносителей, а также цены на них на мировых рынках упали, соответственно уменьшились экспортные поступления. Экспорт нефти сократился с 144 миллионов тонн в 1988 году до 60 миллионов в 1991 году. Однако сохранилась импортная зависимость страны от иностранных кредиторов, особенно по продовольствию, легкой промышленности, материалам для автомобиле- и тракторостроения. В начале 1990 года у СССР еще были валютные резервы: около 15 миллиардов долларов хранились в иностранных банках. К концу года они были использованы. Сумма неплатежей иностранным партнерам за уже поставленные товары к середине 1991 года колебалась в пределах 3—5 млрд долларов. Выручки в обратимой валюте едва хватало на обслуживание прежних долгов. Внешний долг СССР в начале 1991 года превышал 60 миллиардов долларов.

Продолжался непрерывный рост цен. В 1990 году инфляция была еще контролируемой и при жесткой финансовой политике и крупных товарных интервенциях (за счет западной помощи) неуправляемого взрыва цен как-то удавалось избежать. В 1991 году вал требований об

увеличении зарплат, пособий, компенсаций смел все преграды. Государство потеряло основные рычаги управления экономикой, были съедены запасы, шел распад самих структур управления. Вошедшая в фазу кризиса экономика держалась исключительно на инерции. Из системы были изъяты все несущие конструкции: пятилетний план, госбюджет, Госплан, Госснаб, отменена 6-я статья Конституции о руководящей роли коммунистической партии. Хозяйственные связи стали, помимо воли центра, перемещаться на республиканский уровень. Центральные органы оказались обойденными при формировании материальных и трудовых ресурсов, распределением которых монопольно занимались до тех пор. Таким образом, центру был нанесен непоправимый удар.

В августе 1991 года произошел знаменитый путч, в декабре того же года распался Советский Союз. Так закончило свое существование первое в мире социалистическое государство, так экономически, политически, идеологически, организационно закончился социалистический эксперимент. Практически была доказана недееспособной социалистической утопии, потерпела крах идея построения коммунизма.

Административно-командная система, сконструированная на основе идеи централизованного управления, была обречена изначально, поскольку в принципе не могла представлять собой здоровый организм. Она породила множественные диспропорции, структурные перекосы, оторванность цен от их реального экономического содержания. Игнорировались рыночные механизмы, искусственно удерживался низкий курс доллара по отношению к рублю. Главным пороком был планово-распределительный механизм, исключавший всякие попытки появления здоровой конкурентной среды. Однако следует признать, что организация производства с планово-директивным механизмом управления на определенном историческом этапе казалась вполне жизнеспособной. Так, нельзя отрицать, что она помогла полной и быстрой мобилизации материальных и трудовых ресурсов и технически обеспечила выполнение главных задач своего времени. Она дала прогрессивные сдвиги при индустриализации советской экономики, обеспечила позитивные результаты во время войны и на этапе восстановления народного хозяйства. Но централизованный механизм контроля над всей сферой производства и потребления не мог обеспечить оптимально сбалансированный, эффективный и динамичный экономический рост. Кризис только четче проявил генетические пороки системы.

Семьдесят лет социалистического эксперимента представляли собой бесконечную попытку приспособиться к рыночным отношениям. Этот самый «социалистический рынок» вынужден был признать и принять в разное время НЭП, хозрасчет, косыгинско-хрущевские реформы, перестройку. Наиболее последовательные марксисты говорили об этих шагах как о временном отступлении, наиболее трезвомыслящие — как о жизненной необходимости. Но мало кто понимал, что социализм в целом нереален, что это чистая, оторванная от жизни утопия. Ибо если быть последовательными и принять марксову схему, то «рыночный социализм» — это уже не социализм, а социализм без рынка — это левиафан, убивающий индивидуальную свободу.

В результате полного огосударствления и неспособности командно-административной системы эффективно управлять экономикой к концу 80-х годов сложились серьезные несоответствия меж-

ду потребностями НТР с одной стороны, и заострением системы экономических отношений с другой. Уже начиная с послевоенного периода производственные отношения тормозили развитие производительных сил, причем это происходило в государстве, созданном и функционирующем под знаменем марксизма! Наша экономическая структура была настолько централизованной, обюрократившейся, закостенелой, что оказалась неспособной гибко реагировать на требования научно-технического прогресса. Экономическая политика не изменялась главным образом потому, что направление таких изменений противоречило бы идеологии. Именно в этом крайне важном моменте советская экономическая практика очень серьезно зависела от теории.

В результате действовавшая система управления не смогла обеспечить элементарную бережливость, она оказалась неспособной улавливать запросы потребителя, гибко реагировать на хозяйственную ситуацию, была независимо от воли ее функционеров по природе своей застойна и расточительна. Итогом стали: значительный разрыв между фондоемкостью и фондоотдачей; низкая эффективность производства в целом; подавляющий удельный вес продукции 1-го подразделения; отсутствие инноваций практически во всех отраслях (за исключением ВПК и ракетостроения, обеспечивающих приоритет страны на мировой арене). Вместе с тем, благодаря неисчерпаемости природных богатств, за счет все большего вовлечения экстенсивных факторов, СССР продолжал оставаться одной из ведущих держав мира, на протяжении многих десятилетий демонстрировал высокие показатели по производству основных видов продукции, главным образом тяжелой индустрии.

Утопический замысел сумел продержаться целых 73 года лишь потому, что он был привит в благодатную почву, в страну с богатейшими запасами природных и трудовых ресурсов, где можно было пренебречь такими категориями, как «оптимальность», «эффективность», «экономичность». Принцип экономии, особенно в человеческих жертвах, был чужд самой основе советского коммунистического строя. Победа социализма, однако, давалась большой ценой: миллионы жизней репрессированных; монополией и цензурой на все виды информации; недопущением иных точек зрения, иных партий; террором и запугиванием; созданием тоталитарной системы образования и воспитания каждого гражданина от рождения до смерти; ущемлением всех человеческих свобод и прав; понижением темпов

экономического роста и эффективности народного хозяйства в целом; скрытой безработицей и инфляцией; низким уровнем жизни населения.

Весь период сознательного построения социализма сопровождался тенденциями замедления темпов экономического роста, периодически приводящими к кризисному состоянию, для преодоления которого требовались чрезвычайные меры. У руководства страны находились разные люди, использовались различные механизмы в рамках разнообразных организационных структур — наркоматов, главков, совнархозов, министерств и т. д. — однако неизменным оставалось одно: экономическая система функционировала в режиме жесткого административно-командного управления. В условиях господства внеэкономических, насильственных методов принуждения к труду, централизованного распределения средств и продуктов производства, во многом искусственной натурализации экономики внедрение экономических механизмов управления представало лишь в виде робких попыток. Поэтому очевидно, что неэффективность советской экономики, ее невосприимчивость к любым новшествам, реформам, кризис системы в целом не могут быть сведены к ошибкам проводимой экономической политики, к просчетам и недооценкам отдельными личностями реальных потенциальных способностей советской экономики к развитию.

Вся история строительства социализма в СССР — это история борьбы нетоварности и товарности. Как ни пытались вогнать последнюю в рамки планово-распределительного механизма (от полного ее игнорирования отказались еще после неудач военного коммунизма), естественный ход развития истории одержал победу. Реформы либо не принимались, либо в процессе внедрения подстраивались под систему и, соответственно, видоизменялись до такой степени, что теряли всякий смысл. Если социалистическая перестройка всегда превращалась в серию катастроф, и наоборот, отказ от социалистических принципов приводил к улучшению положения, то очевидно, что неудача социалистического строительства не может быть объяснена и тем, что место и время выбраны для него неподходяще.

Кризис советской экономики конца 80-х годов не был и временным нарушением экономического равновесия как следствие циклического характера развития индустриальных систем, которым лишь умело воспользовались противники перестройки. Этот кризис явился выражением принципиальной неспособности экономической со-

циалистической системы к наращиванию прогрессивных тенденций. Экономический рост в условиях подобных систем может быть обеспечен лишь на экстенсивной основе, что не может не порождать глубоких социально-экономических диспропорций, ведущих в конечном счете к торможению прогресса. Исчерпанность же экстенсивных факторов означает ту остановку в развитии, за которой неизбежно следует развал самой системы. Поэтому «...в конце концов, приходит время поистине революционных изменений, время ликвидации социалистической системы и движения общества в сторону капиталистической рыночной экономики» [57].

Наиболее важной причиной глубокой неэффективности советской экономики вообще, и сложившейся системы производства ради производства в частности, явилась попытка установить социалистическую, то есть общественную собственность на орудия и средства производства. Обосновывалось это под девизом исключения капитала как фактора производства. И хотя в начале 20-х годов, во времена НЭПа, его частичная реабилитация дала позитивные результаты, он вновь был загнан в подполье. Капитал был отвергнут как источник эксплуатации, однако последняя — вечный спутник человеческого общества. Запретив капитал, государство как тоталитарный собственник-капиталист лишило собственности всех наемных работников, и тем самым не только не уничтожило эксплуатацию, но подняло планку уровня эксплуатации, безвозмездного присвоения, на еще большую высоту. Организационно оформилась общегосударственная эксплуатация и общегосударственное принуждение к труду.

Постепенно закладывалось, со временем разрасталось и усиливалось общественное неравенство: с одной стороны, наблюдалась отторгнутость работников от средств производства и результатов труда, с другой — господствующее социально-экономическое положение бюрократического аппарата. Еще в начале 20-х годов Б. Бруцкус говорил о существовании классовых противоречий, дифференциации в социалистическом обществе. А уже в 30-е годы в западной литературе приводились данные, подтверждающие, что неравенство в России не намного меньше, чем в капиталистическом обществе¹.

¹ По одним источникам указывалось, что разрыв между самыми высокими и низкими заработками в России примерно 50:1 (как в США), по другим, что в СССР верхушка, составляющая 11–12 %, получает около 50 % НД (Фридмен и Хайек о свободе. / Под ред. А. Бабича; Пер. с англ. — Cato Institute, 1985. — С. 129).

Прослеженное нами на примере СССР назревавшее противоречие между попыткой умозрительного построения самодостаточной цельной социалистической экономики и не сдающимися естественными силами товарно-денежных отношений, разрешилось. Пришло понимание того, что путь к цивилизованному развитию должен лежать не через совершенствование в рамках социализма, а через отказ от централизованного директивного управления экономикой, от господствующего положения государственной собственности. Неизбежным стал переход к рыночной экономике, утверждение частной собственности, движение к свободным ценам и предпринимательству. Теоретические распри между «товарниками» и «нетоварниками» были разрешены практически. Это вынуждены были признать даже ярые «антирыночники»: «рыночные формы связи пробивали себе дорогу на протяжении всей истории советского периода... Эти тенденции образуют наиболее общий *факт* характеристики производственных отношений... Этот факт можно игнорировать, подвергать сомнению, проклинать, но его нельзя отрицать, считать чем-то случайным, эфемерным, преходящим...» [58].

Такова историческая судьба попытки абсолютизировать планомерную форму связи. Но ее характеристика в рамках только экономического аспекта является недостаточной, так как общая подчиненность идее построения коммунизма привела к искажению моральных, нравственных, этических принципов. Если рассматривать проблему социализма в общесоциологическом, философском плане, то он не разрешил противоречия между обществом и личностью прежде всего в силу подавления индивидуальной свободы. Принятые нормы и законы были подчинены интересам партийной бюрократии, а не были выражением интересов большинства. Внешняя приверженность партийным решениям, обладающим силой закона, в действительности не соответствовала внутренним убеждениям граждан. Это меняло психологию людей, способствовало воспитанию «советского менталитета». Люди перестали рассчитывать сами на себя, это было экономически невыгодно и политически опасно. Расцвело иждивенчество, угасла либо ушла в глубокое подполье предприимчивость. Установка на равенство нивелировала все индивидуальные достижения, всякое стремление к самовыражению. Приоритет коллективного над индивидуальным не воспитал бережливости, исказил в сознании советского человека понятие «экономической эффективности».

Действительную свободу поведения индивида, свободу в позитивном смысле, обуславливает только рынок, когда индивид не ограничивает себя определенным кругом лиц, когда он вынужден понимать и предвидеть интересы любого субъекта. «Чем человек активнее, тем большее количество внешних тел он вовлекает в свою деятельность, тем больше мера его свободы ... тем меньше он испытывает их неодолимое сопротивление» [59]. Свобода в позитивном смысле заключается не в отрицании влияния окружающих на поведение индивида, а в расчете только на самого себя при сознательном использовании этого влияния в своих целях [60].

Проблема социализма вызывала и вызывает постоянный интерес в среде ученых. Известны серьезные исследования XX века, пытающиеся трезво оценить ирреальность социализма и губительные последствия попыток его построения. Так, Ф. Хайек писал «Непродуманное представление о разумности, правильности и добре могут способствовать изменению фактов и самих обстоятельств нашей жизни; под их влиянием могут уничтожаться порой навсегда не только отдельные носители высокой культуры, произведения искусства, дома и города (которые... беззащитны перед разрушительным натиском разного рода этических учений и идеологий), но и традиции, институты и взаимоотношения» [61].

Однако внешние достижения социализма искушали многих западных исследователей найти некий гибрид, объединяющий преимущества рыночной и командной экономики. «Смешанная экономика» представлялась как «экономическая система, в которой объединяются характеристики капитализма и социализма», в которой «источники распределяются частично через децентрализованные рынки, и частично — посредством решений, принимаемых централизованным государством» [62]. В середине XX века была модной теория конвергенции, которой отдали дань такие выдающиеся экономисты, как Й. Шумпетер и Дж. Гэлбрейт. Пытаясь объединить стихийность и планомерность, рыночное и государственное начало, сторонники теории конвергенции по сути проигнорировали основное непримиримое противоречие между товарной и непосредственно общественной формами экономической связи.

В действительности стихийные и регулируемые связи представляют собой органическое единство, по крайней мере, на всем протяжении развития капиталистической формы товарного производства. Изменялась, естественно, только их иерархия с возрастанием роли

государства как экономического регулятора, но с сохранением общей рыночной основы. Начиная с эпохи первоначального накопления капитала через борьбу вокруг «хлебных законов», билля о 10-часовом рабочем дне, и вплоть до современных макроэкономических теорий¹ идет гегелевская борьба рыночных и государственных регуляторов. Антиномия «план-рынок» так же функциональна, как и связь между двумя сторонами общественного производства. Во-первых, в обоих случаях речь идет о неразрывном органическом единстве. Во-вторых, устанавливая характер этого единства, мы определяем его ведущий момент: в одном случае это производительные силы как содержание единства, в другом — рыночный фундамент как таковой. И в определенном смысле можно сказать, что как производственные отношения являются формой развития производительных сил, так и регулирование составляет незаменимый компонент рынка. В-третьих, если между двумя сторонами общественного производства существует вечное и неразрешимое противоречие, то в известной мере чем дальше, тем сильнее, развивается противоречие «рынок — регулирование». И если, говоря о диалектике производительных сил и производственных отношений, это противоречие мы считаем источником развития способа производства, то можно думать, что и противоречие «рынок — регулирование» является одним из важнейших источников развития рыночной экономики.

С подобного рода противоречиями сталкиваются все те, кто отрицает реальное содержание социалистического этапа развития. Из того, что социализм оказался невозможным, делается попытка выдать его то за феодализм с элементами многоукладной мозаичной структуры, то за государственный капитализм. Реальное содержание подменяется всякими аналогиями исторического процесса. Отсюда тезис о том, что социализм не был социализмом, а только так назывался. Однако все то, что внешне дает повод для этих аналогий, является по определению присущим социализму, каким он только и мог быть при попытке претворить его в жизнь. Размышления над прогнозом и исходом приводят к выводу, что социализм — это именно то, что было у нас. Только таким он и мог получиться при попытке его построения. Попытка отрицать социалистический этап как реальность означает наивную попытку отрицать парадоксальную петлю, которую совершила история.

¹ Которые, обобщив, можно свести к двум конкурирующим направлениям: неоклассическому и кейнсианскому.

Социализм, являясь в целом умственной конструкцией, практически не имел генезиса. То же самое, как ни парадоксально, происходит сегодня на постсоветском пространстве со становлением рыночной экономики. Принципиальная разница состоит только в том, что в первом случае насильем надо было реализовать схему, сложившуюся в головах «социальных инженеров», а во втором случае речь идет о формировании структур, сложившихся, утвердившихся, доказавших свою эффективность в наиболее развитых странах в то время, как у нас они были загнаны вглубь настолько, что перестали выполнять присущие им функции, соответствовать сами себе.

Известны два парадокса, сформулированные У. Черчиллем и Й. Шумпетером. Один гласит, что демократия — не идеальная форма правления, но лучшей человечество не придумало. Второй состоит в том, что капитализм много лучше социализма, но победит все равно второй. Обобщая их, можно сказать, что рыночная экономика — это не лучшая форма организации общественного производства, но более естественной и эффективной цивилизация не придумала. Социализм же следует рассматривать как некий зигзаг в поступательном развитии общества, как временный эпизод узкоисторического масштаба. Это способ производства, отменяющий товарную форму. Однако, воплощаясь в жизнь, он так и не сумел от нее уйти. Товарность оказалась более приспособленной к жизненной реальности.

1. Mises L. von, *Socialism: An Economic and Sociological Analysis*. — Indianapolis. Liberty Classics, 1981.
2. Панарин А. С. «Вторая Европа» или «Третий Рим». — М., 1996. — С. 7.
3. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы: Пер. с англ. — М.: Феникс, 1992. — С. 112.
4. Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство // Чаянов А. В. Избранные труды. — М.: Экономика, 1989; Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. — М.: Наука, 1991.
5. Бруцкус Б. Социалистическое хозяйство // Новый мир. — 1990. — № 8. — С. 174–214.
6. Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность: Пер. с англ. — М.: Дело, 1993. — С. 4.
7. Изгоев А. С. Социализм, культура и большевизм // Библиотека «Вѣхи». Из глубины: Сборник статей о русской революции / С. А. Аскольдов, И. А. Бердяев, С. А. Булгаков и др. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. — 298 с.
8. Туган-Барановский М. И. Социализм как положительное учение // Новый мир. — 1990. — № 8. — С. 83.
9. North D. C. *Structure and change in economic history*. — N. Y., 1981. — P. 24–25.
10. Alchian A. A. *Some economics of property rights* // *Il Politico*. — 1985. — V. 30, № 4. — P. 827.
11. Капелюшников Р. Экономическая теория прав собственности (методология, основные понятия, круг проблем) / Отв. ред. В. Н. Кузнецов. — М.: Ин-т МЭ и МО, 1990.
12. Мартыновский С. Экономическое наследство тоталитарного режима // Одесский мартиролог. — Одесса: ОКФА, 1999. — С. 785–797.
13. ВКП(б) в резолюциях и решениях. — М.: Госполитиздат, 1941. — С. 281–296.
14. Ленин В. И. ПСС. — М.: Госполитиздат, 1958. — Т. 21. — С. 187.
15. См.: Чуев Ф. Молотов. — М., 2000. — С. 223.

16. Военный коммунизм [Электронный ресурс]. — Режим доступа: Википедия/ ru.wikipedia.org/wiki/Военный_коммунизм
17. Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. — М.: Наука, 1991. — 487 с.
18. Ленин В. И. ПСС. — М.: Госполитиздат, 1958. — Т. 21. — С. 399.
19. Изгоев А. С. Указ. соч.
20. Военный коммунизм [Электронный ресурс]. — Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Военный_коммунизм
21. Ленин В. И. ПСС. — М.: Госполитиздат, 1958. — Т. 43. — С. 220.
22. Преображенский Е. Новая экономика. — М., 1926. — С. 57–58, 63.
23. Там же. — С. 101–102.
24. Бухарин Н. О ликвидаторстве наших дней // Большевик. — 1924. — № 2, 15 апр.
25. Цит. по: Валентинов Н. (Вольский Н.). НЭП и кризис партии после смерти Ленина. — М.: Современник, 1991. — С. 72.
26. Цит. по: Валентинов Н. (Вольский Н.). Указ. соч. — С. 217–218.
27. Каграманов Ю. А был ли белый двойник? // Дружба народов. — 1992. — № 9. — С. 102.
28. С-а. Письмо из Москвы // Смена вех. — 1922. — № 19. — С. 16.
29. Бруцкус Б. Указ. соч. — С. 211.
30. Озеров И. Х. Деньги, товар и хозяйственный кошмар // Новое время. — 1991. — № 20. — С. 41–43.
31. Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. — 1992. — № 4. — С. 203.
32. Вестник финансов. — М., 1925. — № 9. — С. 114.
33. Венедиктов А. В. Правовая природа государственных предприятий. — Л., 1928. — С. 68–88.
34. Гинсбург А. М. Законодательство о трестах и синдикатах. — М., 1926. — С. 54.
35. Гроссман П. Предприятие. — М., 1927. — № 1. — С. 11.
36. Маневич В. Е. Проблемы теории и практики хозрасчета в 20-х годах // Истоки. Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. — М.: Экономика, 1990. — Вып. 2. — С. 162.
37. Цит. по: Валентинов Н. (Вольский Н.) Указ. соч. — С. 69.
38. Народное хозяйство СССР за 70 лет. — М.: Финансы и статистика, 1987. — С. 11.
39. За индустриализацию. — М., 1931. — 15 февр.
40. Немчинов В. С. Сельскохозяйственная статистика. — М.: Огиз-Сельхозгиз, 1945. — С. 38.

41. Шмелев Г. И. Коллективизация: на крутом переломе истории // Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. — М.: Экономика, 1990. — Вып. 2. — 335 с.
42. Harrison M., Davis R. W. The Soviet Military-Economic Effort during the Second Five-Year Plan (1933—1937) // Europe-Asia Studies. — 1997. — Vol. 49, No. 3. — P. 369.
43. Родичев В. А., Родичева Г. И. Тракторы и автомобили. — 2-е изд. — М.: Агропромиздат, 1987.
44. Мельянцев В. А. Россия за три века: экономический рост в мировом контексте // Общественные науки и современность. — 2003. — № 5. — С. 84—95.
45. Wheatcroft S. G., Davies R. W., Cooper J. M. Soviet Industrialization Reconsidered: Some Preliminary Conclusions about Economic Development between 1926 and 1941. // Economic History Review. 2nd ser. — 1986. — Vol. 39, No. 2. — P. 264.
46. Moorsteen R. Prices and Production of Machinery in the Soviet Union, 1928—1958. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1962.
47. Harrison M. Trends in Soviet Labour Productivity, 1928—1985: War, Postwar Recovery, and Slowdown // European Review of Economic History. — 1998. — Vol. 2, No. 2. — P. 171.
48. Конквест Р. Культ личности — ничто по сравнению с террором и фальсификацией // Известия. — 1990. — 19 мая.
49. Наука и жизнь. — 1989. — № 4. — С. 41—43.
50. Там же.
51. Корнаи Я. Социалистическая система. Политэкономия коммунизма: Пер. с англ. — М., 2000. — С. 23.
52. Наука и жизнь. — 1989. — № 4. — С. 42.
53. Стиглиц Дж. Куда ведут реформы // Вопросы экономики. — 1999. — № 7. — С. 17.
54. Логинов В. Причины кризиса советской экономики: производственный аспект // Вопросы экономики. — 1992. — № 4—6. — С. 7.
55. СССР в цифрах в 1978 г. — М.: Статистика, 1979. — С. 52.
56. Губский Б. Конкурентоспособность украинской экономики: ориентиры макрополитики в кризисных условиях // Экономика Украины. — 1999. — № 4. — С. 4—14.
57. Корнаи Я. Указ. труд. — С. 23.
58. Покрытан А. К. О характере производственных отношений в современной Украине // Экономика Украины. — 1999. — № 10. — С. 67.

59. Ильенков Э. Философия и культура. — М.: Изд-во политической литературы, 1991. — С.105.
60. Олейник А. Институциональная экономика. — М.: ИНФРА — М. 2000. — С. 103.
61. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма: Пер. с англ. — М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Galaxy», 1992. — С. 8.
62. Rosenberg J. M. Dictionary of Business and management. — Second Edition. — New York, 1983. — P. 327.

У пропонованій роботі радянська історія досліджується з позиції протиріччя двох форм економічного зв'язку — вартісною і безпосередньо суспільною.

Книгу адресовано широкому колу читачів.

Науково-популярне видання

**БАКЛАНОВА Олена Григорівна
КОЛОМЕЙЧУК Тетяна Хрисанфівна**

**РАДЯНСЬКА ІСТОРІЯ:
МІЖ ПЛАНОМ ТА РИНКОМ**

Російською мовою

Завідувачка редакції *Т. М. Забанова*
Редактор *Н. Я. Рихтік*
Технічний редактор *М. М. Бушин*
Дизайнер обкладинки *О. А. Кунтарас*
Коректор *І. В. Шепельська*

Здано у виробництво 04.01.2013. Підписано до друку 26.06.2013.
Формат 60х84/16. Папір офсетний. Гарнітура «Newton». Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 4,42. Тираж 300 прим. Вид. № 89. Зам. № 5.

Видавництво і друкарня «Астропринт»
65091, м. Одеса, вул. Разумовська, 21
Тел.: (0482) 37-07-95, 37-14-25, 33-07-17, (048) 7-855-855
www.astroprint.odessa.ua

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1373 від 28.05.2003 р.

